

HAL
open science

Северо-Восток в эпоху, предшествовавшую открытию Сибири: западные утопии и дистопии

Anca Dan

► To cite this version:

Anca Dan. Северо-Восток в эпоху, предшествовавшую открытию Сибири: западные утопии и дистопии. Ekaterina Dmitrieva; Pavel Alekseev; Michel Espagne. SIBERIA AS A FIELD OF CULTURAL INTERACTIONS: LITERATURE, ANTHROPOLOGY, HISTORIOGRAPHY, ETHNOLOGY, OOO Azbukovnik Publ., pp.37-102, 2020, 978-5-91172-212-8. <10.22455/978-5-91172-212-8>. <halshs-03255862>

HAL Id: halshs-03255862

<https://shs.hal.science/halshs-03255862>

Submitted on 6 Aug 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

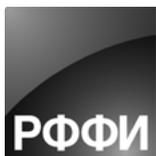
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФРАНЦИИ
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СИБИРЬ КАК ПОЛЕ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ:
ЛИТЕРАТУРА, АНТРОПОЛОГИЯ,
ИСТОРИОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ**

Под редакцией
Екатерины Дмитриевой,
Павла Алексева и Мишеля Эспаня

МОСКВА
ИЦ «Азбуковник»
2020

УДК 82.09+008
ББК 83.3+71
С 34

Издание осуществлено
за счет средств Российского фонда фундаментальных
исследований (РФФИ), проект № 20-112-00104
«Сибирь как поле межкультурных взаимодействий:
литература, антропология, историография, этнология»,
продаже не подлежит

Рецензенты:

член-корреспондент РАН А.Л. Топорков
доктор филологических наук И.З. Сурат

**С 34 Сибирь как поле межкультурных взаимодействий:
литература, антропология, историография, этнология /**
Под ред. Е.Е. Дмитриевой, П.В. Алексеева, М. Эспаня. —
М.: ООО Издательский центр Азбуковник, 2020. —
496 с., илл. — <https://doi.org/10.22455/978-5-91172-212-8>.

Научный труд «Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология» задуман как очередной в серии коллективных трудов, которые на протяжении более десятилетия издавались в сотрудничестве между Институтом мировой литературы РАН и Лабораторией эксланс «Культурный трансфер» (labex TransferS) Национального центра научных исследований Франции (ответственные с русской и французской сторон Е.Е. Дмитриева и Мишель Эспаня). Методологической базой данного труда послужила теория культурного трансфера, которая делает особый акцент на понимании культуры и ее истории не как смены жестких парадигм, но как непрерывающегося движения, взаимообмена, когда «чужеродные» вкрапления и имбрикации составляют тот своеобразный фундамент, из которого формируется национальная идентичность.

Сибирь (Алтай) выбраны в рассматриваемой коллективной монографии как культурный регион, исключительно богатый разного рода культурными напластованиями языкового, этнографического, археологического характера, который по меньшей мере с XVII в. стал предметом интереса европейских путешественников, создававших собственный миф о Сибири. Внутри монографии выделены разделы: «Сибирь как исследовательский конструкт: антропология и историография», «Сибирь и духовные практики: фольклор и этнография», «Сибирские языки и этносы», «Худоожественное освоение Сибири и сибирский миф в русской и европейской культуре». Среди участников и авторов данного труда — известные российские и французские этнологи, фольклористы, историки, филологи, археологи, лингвисты из России и Франции, имеющие большой научный опыт изучения в области теории и истории межкультурных взаимодействий, исследования сибирского шаманизма и сибирской антропологии.

Издание обращено как к профессиональным антропологам, историкам, филологам, так и к широкому кругу читателей, интересующихся историей Сибири и в особенности Алтая.

ISBN 978-5-91172-212-8

© Е.Е. Дмитриева, П.В. Алексеев, М. Эспаня, 2020
© ООО Издательский центр Азбуковник, 2020

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
CENTRE NATIONAL DE LA RECHERCHE SCIENTIFIQUE (CNRS)
STATE UNIVERSITY OF GORNO-ALTAISK

**SIBERIA AS A FIELD OF CULTURAL
INTERACTIONS:
LITERATURE, ANTHROPOLOGY,
HISTORIOGRAPHY, ETHNOLOGY**

Ekaterina Dmitrieva,
Pavel Alekseev,
Michel Espagne (ed.)

MOSCOW
IWL RAS
Azbukovnik
2020

УДК 82.09+008
ББК 83.3+71
С 34

The publication was issued
at the expense of the Russian Foundation for
Basic Research (RFBR), project No. 20-112-00104
“Siberia as a field of cultural interactions: literature,
anthropology, historiography, ethnology”,
not for sale

Reviewers:

Corresponding Member of RAS Andrei L. Toporkov
DSc in Philology Irina Z. Surat

Ekaterina Dmitrieva, Pavel Alekseev, Michel Espagne (ed.). **Siberia as a field of cultural interactions: literature, anthropology, historiography, ethnology**. — Moscow, OOO Azbukovnik Publ., 2020. — 496 p. — <https://doi.org/10.22455/978-5-91172-212-8>.

The present collective monograph was conceived in a series of collective works that have been published for more than a decade in collaboration between the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and the Cultural Laboratory of the French National Center for Scientific Research (responsibles from the Russian and French sides Ekaterina Dmitrieva and Michel Espagne).

The methodological basis of this collective study is the theory of cultural transfer, which places a special emphasis on understanding culture and its history not as a change of rigid paradigms, but as an ongoing movement, interchange. All this leads to the fact that even those phenomena that we traditionally consider to be purely national, autochthonous, are the result of a very complicated palimpsest, where “alien” inclusions and imbrications constitute the peculiar foundation from which the national identity is formed. Siberia (Altai) was selected in this work as a cultural region, exceptionally rich in all kinds of cultural strata of a linguistic, ethnographic, archaeological nature, as well as a region that at least since the 17th century (and actually before) is becoming an interesting topic for European travelers who create their own myth about Siberia.

The monograph contains different sections: “Siberia as a research construct: anthropology and historiography”, “Siberia and spiritual practices”, “Siberian languages and ethnic groups”, “Literary development of Siberia and the Siberian myth in Russian and European culture”. Among the participants and authors of this monograph are Russian and French ethnologists, folklorists, historians, philologists, archaeologists, linguists, who have extensive scientific experience in the study of the theory and history of cultural interactions, the study of Siberian shamanism and Siberian anthropology.

СОДЕРЖАНИЕ

Екатерина Дмитриева, Павел Алексеев, Мишель Эспань.
Предисловие 9

СИБИРЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНСТРУКТ: АНТРОПОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- Клодин Коэн** (Париж / Дижон, Франция)
Ископаемый человек на Алтае:
генетический обмен и культурный трансфер
в эпоху палеолита (*пер. с франц. К. Ермиловой*) 17
- Анка Дан** (Париж, Франция)
Северо-Восток в эпоху, предшествовавшую
открытию Сибири: западные утопии и дистопии 36
- Константин Банников** (Хельсинки, Финляндия)
Плато Укок. Перекресток эпох и культур 103
- Мишель Эспань** (Париж, Франция)
Германия эпохи Просвещения и изучение Сибири
(*пер. с франц. Е. Дмитриевой*) 133
- Лариса Мукаева** (Горно-Алтайск)
«... Прославился многими открытиями»:
из истории экспедиционных исследований на Алтае
французского ученого Э.Л. Патрена (1780-е гг.) 156
- Изабель Калиновски** (Париж, Франция)
Вальдемар Иохельсон, Франц Боас и Сибирь
(*пер.с франц. К. Ермиловой*) 175

СИБИРЬ И ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ:

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

- Никита Константинов** (Горно-Алтайск)
Об одной теме в сюжетном изобразительном искусстве
населения Центральной Азии эпохи раннего Средневековья . 219
- Ольга Христофорова** (Москва)
Почему исчезли шаманы у нганасан? Герменевтические
возможности мифо-ритуальных систем народов Сибири
и вызовы времени 232
- Юлия Ляхова** (Москва / Берн)
Как изменяется семантика монгольских и бурятских ритуалов:
рефлексия исполнителей над своими практиками 249

Дмитрий Доронин (Москва)

Огонь, потоп и война с востока: культурный трансфер
в современных эсхатологических представлениях на Алтае. . . 263

СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ И ЭТНОСЫ

Клеман Жакму, Янн Боржон-Приве (Париж, Франция)

Культурный трансфер в республике Алтай: на подступах
к анализу современного алтайского героического эпоса
(авторизованный пер. с франц. при участии Е. Дмитриевой) . . . 289

Кароль Ферре (Париж, Франция)

Коневодческая лексика в Словаре якутского языка
Э.К. Пекарского: странствия лексем
между алтайскими языками (авторизованный пер.
с франц. при участии Е. Дмитриевой) 310

Семен Макаров (Москва)

К прагматике героического эпоса
на современном этапе: якутские олонхо 328

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И СИБИРСКИЙ МИФ В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Валерий Мароши. (Новосибирск)

Алтай романтический и готический
в травелогe Т.У. Аткинсона 345

Татьяна Шастина, Мария Останина (Горно-Алтайск)

Английская леги в «wild space» Сибири (по книге Mrs. L. Atkinson
«Recollections of Tartar steppes and their inhabitants») 366

Екатерина Дмитриева (Москва / Петербург)

Миф о Сибирском Эльдорадо, опоньское царство
староверов-бегунов и духовный подвиг Гоголя 383

Павел Алексеев (Горно-Алтайск)

Алтай и Китай в имперской географии Ф.М. Достоевского . . . 408

Дани Савелли (Тулуза / Париж)

От Шамбалы к Беловодью, от буддизма к теософии:
Алтай Николая Рериха (пер. с франц. В. Копытиной) 424

Александр Дубровский (Санкт-Петербург)

«Дик и чуден Алтай» (по материалам
архива Г.А. Вяткина в ИРЛИ РАН) 450

Марина Ариас-Вихиль (Москва)

Письмо Ромена Роллана
Первому съезду сибирских писателей. 476

CONTENTS

Pavel Alekseev, Ekaterina Dmitrieva, Michel Espagne

Introduction 9

SIBERIA AS AN ANTHROPOLOGICAL AND HISTORIOSOPHICAL CONSTRUCT

Claudine Cohen

Denisova Cave: A Paleolithic and scientific crossroad 17

Anca Dan

Northeast before Siberia: Western utopias and dystopias,
long life and long distance 36

Konstantin Bannikov

The Ukok Plateau. The crossing point of epochs and cultures . . . 103

Michel Espagne

Enlightenment Germany and the Invention of Siberia 133

Larisa Mukaeva

«...Became famous for many discoveries»:
from the history of expedition research in the Altai
by the French geologist E.L. Patren (1780s). 156

Isabelle Kalinowski

Waldemar Jochelson, Franz Boas and Siberia 175

SIBERIA AND SPIRITUAL PRACTICES: FOLKLORE AND ETHNOGRAPHY

Nikita Konstantinov

The theme of hunting in the figurative art of the population
of Central Asia in the early Middle Ages. 219

Olga Khristoforova

Why did Nganasan shamans disappear? Hermeneutic possibilities
of the Siberian religious systems and modern challenges 232

Iuliia Liakhova

Variations and modifications of the semantics
of Mongolian and Buriat rituals: self-reflection of the ritual's
performers and interpreters 249

Dmitrii Doronin

Fire, Flood and War from the East:
Cultural Transfer in Altaic Modern Eschatology 263

SIBERIAN LANGUAGES AND ETHNIC GROUPS

Clément Jacquemoud, Yann Borjon-Privé

Cultural Transfers in the Altai Republic.

Introductory Analysis of Few Terms

from a Contemporary Altaian Epic 289

Carole Ferret

Horse-breeding vocabulary in the Dictionary

of the Yakut language by E. K. Pekarsky:

the 'travel' among the Altaic Languages 310

Semen Makarov

Contemporary pragmatics of the epic tale: Yakut epos olonkho . . . 328

SIBERIAN FICTION: NOVELS AND MYTHS

ABOUT SIBERIA

Valeriy Maroshi

Romantic and Gothic Altai in T. W. Atkinson's Travelogue 345

Tatyana Shastina, Maria Ostanina

An English Lady in the "Wild Space" of Siberia

(based on Mrs. L. Atkinson's *Recollections of Tartar Steppes*

and Their Inhabitants) 366

Ekaterina Dmitrieva

The myth of Belovodie (Land of White Waters), Japan (Opon'skoe)

kingdom of the old believers and the mystery

of the second volume of Gogol's *Dead souls*. 383

Pavel Alekseev

Altai in the imaginary geography of F.M. Dostoevsky 408

Dany Savelli

Altai as field of religious transfers according to Nicholas Roerich

(From Shambhala to the Kingdom of the White Waters,

from Buddhism to Theosophy) 424

Alexandr Dubrovsky

«Wild and wonderful Altai...»

(the archive of G.A. Vyatkin in IRLI RAS) 450

Marina Arias-Vihil

Romain Rolland's Greetings

to the Congress of Siberian Writers (1928) 476

Анка Дан

СЕВЕРО-ВОСТОК В ЭПОХУ,
ПРЕДШЕСТВОВАВШУЮ ОТКРЫТИЮ СИБИРИ:
ЗАПАДНЫЕ УТОПИИ И ДИСТОПИИ

Сведения об авторе: Анка Дан — исследователь древней истории и археологии в Национальном центре научных исследований (CNRS) (Париж, Франция). Ее основные научные интересы сосредоточены на исторической географии Средиземноморья и Черного моря, исследуемой на основе критического сопоставления карт, текстов (она комментирует древние рукописи и надписи) и геоархеологических данных, полученных геофизиками, геоморфологами, геохимиками, палеобиологами и археологами, с которыми она сотрудничает. После учебы в Париже и Реймсе проходила стажировки в Афинах, Берлине и Вашингтоне (штат Колумбия). Автор и издатель трудов: *Coelé-Syrie. Palestine, Judée, Pérée* (ed. with É. Nodet, 2017), *The Library of Alexandria: A Cultural Crossroads of the Ancient World* (ed. with C. Rico, 2017), *Orbis disciplinae. Hommages en l'honneur de Patrick Gautier Dalché* (ed. with N. Bouloux, G. Toliaas, 2017), *Études des fleuves d'Asie Mineure dans l'Antiquité* (ed. with S. Lebreton, 2018).

E-mail: anca.dan01@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6468-9327

Аннотация: Западные представления о северо-востоке ойкумены возникли еще задолго до открытия в XVIII в. Сибири. В Античности и в Средние века они оформились в виде утопий о существовании райских земель и антиутопий об inferнальном мире, создателями и носителями которых были народы северных степей, иранское и семитское население Востока, а также греки и римляне. Гомер и Эсхил, Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин полагали, что самые праведные люди, добрые дикари (*bons sauvages*), которых они именовали *abioi*, жили на северо-восточных окраинах мира, от Черного моря до зауральских степей. В VI в. до нашей эры Аристей Проконнеский (которого цитирует Геродот, Максим Тирский и Иоанн Цец (Цецес)) рассказывает мистическую историю о своем фантастическом путешествии через земли исседонов и аримаспов, сражающихся с грифонами, к счастливому народу гиперборейцев, живущему по ту сторону Царства северных ветров. Однако с V в. до нашей эры (в трагических стихах Эсхила и в «Орфической Аргонавтике») эта страна восходящего солнца и золота стала восприниматься как часть подземного мира, орошаемого водами Плутона и Ахерона. В раннехристианские времена Север (помечаемый слева

от рая, если смотреть на восток) превращается в земной ад (Блаженный Иероним, Апокалипсис Павла), населенный десятью потерянными коленами Израиля и народами Гога и Магога. Различные исторические народы отождествлялись с библейскими Гогой и Магогой: готы, гетаи, гунны, хазары, венгры, турки, татары, представлявшие опасность для всех живущих между Ближним Востоком и дальним Западом. Образы этих народов были более навеяны страхом перед апокалипсическим концом, нежели представляли собой отражение их исторического бытия. Это однако не означает, что в досовременное время из алтайских и сибирских областей в Средиземноморье не проникали и достоверные данные. Прямые контакты были возможны в некоторые эпохи: впервые это произошло при Ахеменидах, когда в греческую литературу проникли сведения о северном шаманизме, кочевых юртах и вечных снегах. То, как в течение длительного времени реалии и вымысел о северо-востоке достигали Средиземноморья, является хорошей иллюстрацией тех культурных процессов, посредством которых мы создавали образ нашего мира.

Ключевые слова: северо-восток ойкумены, открытие в XVIII в. Сибири, утопии, дистопии, добрые дикари (*bons sauvages*), абии, гиперборейцы.

Anca Dan

**NORTHEAST BEFORE SIBERIA:
WESTERN UTOPIAS AND DYSTOPIAS, LONG LIFE
AND LONG DISTANCE / LE NORD-EST AVANT LA SIBÉRIE :
UTOPIES ET DYSTOPIES OCCIDENTALES, À LONGUE
DURÉE ET GRANDE DISTANCE**

Information about the author: Anca DAN is Assistant Research Professor of Ancient History and Archaeology in the National Center for Scientific Research (CNRS), at the École Normale Supérieure (Paris, France). Her primary research interests center on the historical geography of the Mediterranean and the Black Sea, investigated through the critical confrontation of maps and texts (she edits and comments from manuscripts and inscriptions) and geoarchaeological data (obtained and interpreted by the geophysicists, geomorphologists, geochemists, paleobiologists and archaeologists with whom she collaborates).

After her studies in Paris and Reims, Dan received several postdoctoral fellowships in Athens, Berlin and Washington DC. Her books include *Célé-Syrie. Palestine, Judée, Pérée* (with É. Nodet, 2017), *The Library of Alexandria: A Cultural Crossroads of the Ancient World* (ed. with C. Rico, 2017), *Orbis disciplinae. Hommages en l'honneur de Patrick Gautier Dalché* (ed.

with N. Bouloux, G. Tolia, 2017), *Études des fleuves d'Asie Mineure dans l'Antiquité* (ed. with S. Lebreton, 2018).

E-mail: anca.dan01@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6468-9327

Abstract: The western *imaginaire* of most north-east parts of the known world started long before the invention of Siberia, in the 18th century. The ancient and medieval episodes of this story are represented by a series of utopias (paradisiac lands) and dystopias (infernal places), transmitted by the peoples of the northern steppes, the Iranian and Semitic populations of East, the Greeks and Romans of the West. From Homer and Aeschylus to Claudius Ptolemy and Ammianus Marcellinus, the *Abioi*, most righteous of men, are the *bons sauvages* living on the north-eastern edges of the world, from the Black Sea to the steppe beyond the Urals. In the 6th century BC, Aristeas of Proconnesos (quoted by Herodotus, Maximus of Tyre and Tzetzes) tells the mystic story of his fantastic trip to the happy people leaving beyond the northern wind, the Hyperboreans, through the lands of the Issedones and of the Arimaspi fighting the Griffins. From the 5th century BC (in the tragic verses of Aeschylus and the *Orphic Argonautica*), however, this land of the Rising Sun and of gold became part of the Underworld (watered by the rivers Plouton and Acheron). In early Christian times, the North (to the left of Paradise, when looking east) was transformed into a terrestrial Hell (Hieronymus, the *Apocalypse of Paul*), occupied by the Ten lost tribes of Israel and by the peoples of Gog and Magog. Different historical people were identified with the Biblical Gog and Magog, because of their name (Goths, Getai), geographical origin (Massagetai, Huns, Khazars, Hungarians, Turks, Tartars). The images of these peoples in Eastern and Western texts and maps are rather fantasies inspired by the fear of the apocalyptic end, rather than echoes of their historical existence. This does not mean, however, that no reliable data penetrated from the Altaic and Siberian regions to the Mediterranean in pre-modern times. Direct contacts were possible under some empires: it first happened under the Achaemenids, when information about northern shamanism, nomadic yurts and eternal snows entered the Greek literature. The long series of transfers through which the *realia* as well as the fictions about the north-east reached the Mediterranean is a good illustration of the cultural processes through which we made up the image of our world.

Keywords: western *imaginaire* of the north-east, invention of Siberia in the 18th century, utopias, dystopias, good savages (*bons sauvages*), *Abioi*, Hyperboreans.

Знала ли Древняя Европа о существовании Сибири? Если давать краткий ответ на этот вопрос, то он может быть только отрицательным. В греческих и латинских текстах с Античности и до Ренессанса мы не найдем ни одного упоминания какой-либо реки, протекающей восточнее Окса (Амударьи) и Яксарта (Сырдарьи), которую можно было бы расценить как своеобразные ворота, открывающие путь в пространство Сибири, как то Обь, Тобол или Иртыш. И хотя во II в. до н.э. Клавдий Птолемей нанес на карту множество горных хребтов Северной Азии, их нельзя с точностью соотнести с какими-либо горными цепями, тянущимися за восточными пределами Урала. Последнее заставляет нас ограничиваться всего лишь гипотезой о том, что Алтай в древности мог идентифицироваться с Рифейскими, Имейскими и Аннибскими горами.

До появления геополитического понятия «Сибирь» и русского завоевания ее пространства от Урала до Тихого океана и от Алтая до Арктики существовало то, что сегодня можно было бы назвать Северо-Востоком: окраинные земли и народы, мало известные и к тому же обладавшие сложным менталитетом вследствие своего кочевого образа жизни, заставлявшего их перемещаться между Востоком (точкой, где восходит солнце, источник всеобщей жизни) и Севером, краем тьмы, холода, смерти. Таким образом, можно сказать, что Северо-Восток в представлении древних — это край *Чужого*, воплощение самого прекрасного и одновременно самого ужасного, что только может создать человеческое воображение. Именно на этой территории, находящейся к северу от внутреннего моря, у подножия Кавказа, у пролива, разделяющего Понт (Черное море) и Меотийское озеро (Азовское море), милетцы поселили киммерийцев — народ, с которым гомеровский Одиссей (11:14–19) повстречался перед своим сошествием в царство Аида (см.: [Подосинов 2015]). Находящийся поблизости Кавказ начиная с VI в до Р.Х. почитался местонахождением той скалы, к которой приковали Прометея, титана, виновного в том, что именуется *hybris* (чрезмерное самолюбие), и ставшего для Востока тем же, чем был его брат Атлант для Запада. А находящуюся за Кавказом и землями киммерийцев территорию (если двигаться от Леванта к центральным землям) древние представляли себе

как земной потусторонний мир, населенный утопическими (как, например, *абии/abioi*) или дистопическими (Гог и Магог) народами: теми блаженными, что снискали любовь богов (гипербореи), но также и грозными чудовищами — аримаспами и грифонами.

Естественно, что все эти представления не являются вымыслом исключительно древних греков: они во многом обусловлены их «трансляцией» с территории северных степей в средиземноморский центр, в основном иранскими и другими ближневосточными посредниками. В процессе этого трансфера, происходившего в течение многих веков, каждый посредник передавал информацию, пропуская её через собственный «фильтр» — языковой, религиозный, этнический. Каков же был результат этой трудно определяемой передачи «из уст в уста»? Несколько несвязных сведений, которые иногда больше могли сказать о медиаторе, чем о тех окраинных землях, которые он описывал.

Последующие страницы данной статьи представляют собой первую попытку критического обобщения тех представлений о Северо-Востоке, которые существовали в Античности¹. Наша цель — объяснить формирование античной и средневековой традиций, которым мы обязаны возникновением наших собственных представлений о Сибири, как райских, так и inferнальных. Действительно, несмотря на отсутствие непосредственного взаимодействия с народами этих далеких земель, в древние времена люди проецировали на них как свои идеалы, так и свои страхи — досовременные воззрения на Северо-Восток локализируются тем самым полностью между двумя полюсами: утопией о богатых добрых дикарях и дистопией ада.

Каким же образом классическая традиция, бывшая по преимуществу консервативной, позволяла такой резкий переход от райских образов к inferнальным? Наше исследование

¹ В данной статье мы не претендуем на то, чтобы исчерпывающе осветить данную тему. См. подробнее: [Латышев 1890–1906; Rostovtzeff 1922; Rostovcev 1931; Hennig 1944–1956; Coedès 1977; Aalto, Pekkanen 1975–1980; Lindegger 1979; Куклина 1985; Пьянков 1997; Скржинская 1991; Kochanek 2004; Chekin 2006; Dan 2009; Rausch 2013].

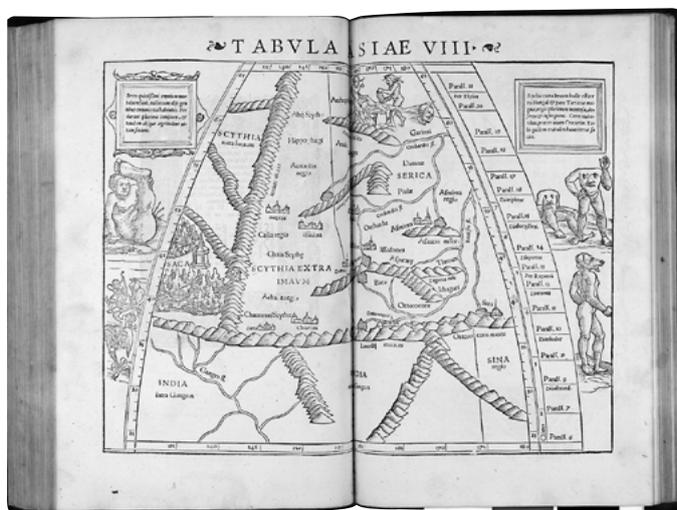
продемонстрирует, как смогли сочетаться между собой эти противоречивые фантазии (представления), порожденные амбивалентной символикой дикаря и золота (материи сверкающей, но добываемой из недр земли, драгоценной, но опасной и, конечно же, варварской). Мы будем говорить об условиях и факторах, обусловивших возникновение подобных представлений. Географические реалии (такие, как Каспийское море) и этнографические (аргиппей у Геродота) свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что степь являла собой своего рода коридор — реальное пространство циркуляции знаний и человеческих индивидуумов. Эти реалии также позволяют осмыслить механизмы передачи и естественного формирования географических познаний в досовременную эпоху, предшествовавшую эпохе открытий и исследований.

1. Греческие и иранские утопии о дикарях

Седьмая и восьмая карты Азии Клавдия Птолея (в том виде, в каком удалось их реконструировать на основе его «Географии») дают наиболее адекватное представление о том, что древние могли знать и думать об окраинных северо-восточных

Илл. 1. Tabula Asiae VII, латинский перевод «Географии» Птолея (II век) в издании Себастьяна Мюнстера (Базель, 1540).
David Rumsey Map Collection

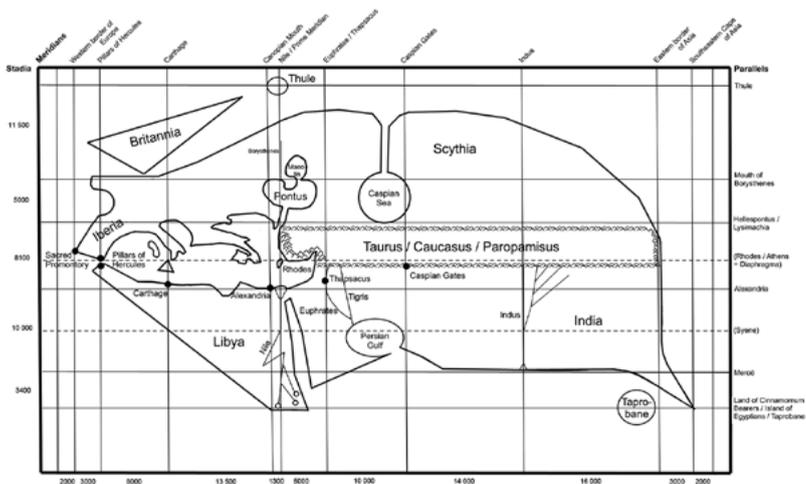

Илл. 2. Tabula Asiae VIII, латинский перевод «Географии» Птолемея (II век) в издании Себастьяна Мюнстера (Базель, 1540).
David Rumsey Map Collection

землях обитаемого мира (ойкумены). Согласно современным представлениям, Скифия, находившаяся по ту сторону от Имеона, включала в себя регионы к востоку и северу от Гималаев, Памира, Тянь-Шаня и, возможно, Алтая. Имейские горы не имеют точного соответствия в современной географии. Когда-то Имеоном называли восточный отрог гор, образывавших своего рода «позвоночный столб» Азии. Действительно, вся горная цепь Таврида–Кавказ–Имеон–Эмодон соответствовала азиатскому сегменту той части мира, что была уже освоена человечеством. В III в. до Р.Х., после завоеваний Александра Великого, Эратосфен «расширил» ойкумену, продлив ее от Гибралтарского пролива до Индии [Страбон 11.8.1, 15.1.11, илл. 3].

Неизвестно, какими именно источниками пользовался Птолемей, позволившими ему обозначить этот регион на карте более последовательно, но, в конечном счете, не менее фантазийно, чем его предшественники (см.: [Kiessling 1905: 2502–2504; Humbach, Ziegler 1998; Schmidt 1999; Rapin 2013: 43–82; Rapin 2014: 141–186; Rapin 2017: 37–121; Tupikova, Schemmel, Geus 2014]). Возможно, в его распоряжении были не дошедшие до

АНКА ДАН. СЕВЕРО-ВОСТОК В ЭПОХУ,
 ПРЕДШЕСТВОВАВШУЮ ОТКРЫТИЮ СИБИРИ:
 ЗАПАДНЫЕ УТОПИИ И ДИСТОПИИ

Илл. 3. Карта мира Эратосфена Киренского, ориентированная на север. Реконструкция (@Klaus Geus, Anca Dan)

нас тексты историков или по крайней мере информантов Александра Великого из государства Селевкидов и Греко-бактрийского царства. Единственное, что мы можем утверждать, — это то, что Птолемей пытался составить карту на основе топонимов и этносов, уже известных грекам из их эпоса либо из тех исторических времен, когда они были соседями персов, а затем и парфян, чьи империи простирались от «Снежного дома» (как тогда именовались Гималаи / Имеон) до Каспийского (Гирканского) моря, и кочевников Севера. Сравнивая карту Птолемея с предшествующей традицией, представленной Страбоном, Плинием Старшим, Дионисием Периегетом (Перизэгетом), а также историками Александра Великого, в том числе Арриана с его «Анабасисом Александра», мы видим, что это сложение различных представлений, дат и источников далось Птолемею не без труда. О явном прогрессе в развитии знаний, переходе от незнания к точному познанию, которое удовлетворило бы исследователей Новейшего времени, разумеется, речь не шла. Однако уже и в это время мы можем говорить об обмене сведениями, позволяющими создать пространство-временное пред-

ставление о мире, а также карту Греции, настолько достоверную, насколько тогда это было возможно.

На седьмой птолемеевской карте Азии (илл. 1) можно выделить два вида названий мест и народов: греческих, которые восходят к эпическим или лирическим поэмам (абии / *abioi*, гиппомолги/гиппофаги, гиперборей); и названий, имеющих варварское происхождение, которое стало результатом импорта знаний из иранского региона (исседоны и аргипшеи). Но если образ первых народов с понятными греческими названиями был полностью положительным, что было связано с несколько наивной идеализацией племен, проживающих на краю Земли, то образ вторых представляется гораздо более сложным и реалистичным. Взаимосвязь этих двух категорий позволяет понять, как изучали географию в досовременную эпоху — компилятивно, ненаучно, просто придерживаясь принципа правдоподобия.

В первой части настоящей статьи мы рассмотрим каждый из этих народов крайних земель и их историю. В этом нам помогут два поэта: Гомер — в качестве первого источника наших познаний об идеальных народах Севера, и Аристей из Проконнеса, вдохновенный поэт, в основном известный благодаря Геродоту и его легенде об аримаспах и грифонах. Анализ их восприятия Севера позволит нам увидеть, как начиная с эпохи архаики и вплоть до Клавдия Птолемея расширялось греческое представление о мире, как оно становилось более рациональным, но не обязательно более реалистичным. Гомеровское наследие при этом никуда не исчезает: оно лишь отходит на второй план, чтобы уступить место знаниям, полученным в результате непрямого трансфера, имеющим более или менее достоверный характер.

**1.1. Там, где нет ни траура, ни плача, ни боли:
доители кобылиц (гиппомолги) и пьющие-молоко-
кобылиц (галактофаги), справедливые абии (*abioi*)
и гиперборей.**

Лучший способ освоения окраин мира, обычно недоступных грекам или варварским племенам, с которыми те контактировали на берегах шельфового моря, — попытаться взгля-

нуть на мир глазами бога. Так, самую первую «карту» северных окраин известного древним грекам мира мы находим у Гомера [Илиада 13.3–6] как явленную взгляду Зевса, сидящего на горе Ида:

...αὐτὸς δὲ πάλιν τρέπεν ὄσσε φαεινῶ
νόσφιν ἐφ' ἰπποπόλων Θρηκῶν
καθ' ὠμίονος αἶαν
Μυσῶν τ' ἀγχεμάχων καὶ ἀγαυῶν
Ἴππιομολύων

γακτοφάγων Ἀβίων τε δικαιοτάτων
ἀνθρώπων.

... отвратил светозарные очи,
Опуская взгляд вдаль на землю
фракийцев, наездников конных,
И на земли мизян, бойцов руко-
пашных, и славных доильщиков
(гиппомолгов) и пьющих-молоко-
кобылиц,
И племя абиев, мужей справедли-
вых.

Отождествление здесь фракийцев (наездников) с мизянами (рукопашными бойцами), родственным народом, также населявшим окраины Троады на северо-западе Малой Азии (в настоящее время — область Турции), кажется, не вызывает сомнений. Тем не менее, и фракийцы, и мизяне/мозяне проживали по обе стороны Босфора, в Азии, но также и в Европе, и комментаторы долго спорили о том, куда был направлен взгляд Зевса, сидящего, как обычно полагалось, на южной стороне Иды, напротив Трои–Илиона, что позволяло ему наблюдать за народами Севера: если бы он посмотрел направо, он увидел бы территорию европейских фракийцев вплоть до Истра (Дуная), которые сами были прекрасными доильщиками и потребителями молока, равно как и абии². Но если бы Зевс повернулся в другую сторону, он бы увидел, как писал об этом Порфирий Тирский, азиатских фракийцев Вифинии. Он мог бы бросить взгляд еще дальше по направлению к северу и увидеть народы евразийской степи, которых после Гомера стали звать «скифами» и, чуть позже, «сарматами» или «савроматами». Но для этого было необходимо, чтобы по крайней мере одно из прилагательных ряда «ἀγαυῶν ἰππιομολύων /

² Такую интерпретацию предлагает среди прочих Посидоний, Страбон (География, 7.3.1–3), Флавий Филострат («Героика»), Евстафий Солунский («Комментарий к “Илиаде”», vol. 3, p. 425 van der Valk); Епифаний Кипрский («Панароион, или Ковчег») и др.

γλακτοφάγων ἀβίων τε δικαιοτάτων ἀνθρώπων (славные доильщицы (гиппомолги), пьющие-молоко-кобылиц (галактофаги) и абии, «мужи справедливые») превратилось в существительное и стало означать один или несколько диких северных народов. Но каких именно³?

Согласно утверждению античных и современных комментаторов, гомеровский текст особенно «уязвим» в этом отрывке: разные поколения «читателей» пытались сгруппировать эти прилагательные таким образом, чтобы получить одну или несколько номинативных групп вокруг этнонима, соответствующего какому-либо народу крайнего севера, который можно было бы отождествить с фракийцами или мизянами.

1.1.1. Доители кобылиц (гиппомолги), млекоеды и молоко-пьющие (галактофаги).

Первое и последнее прилагательные из приведенной цитаты — «славные» («ἀγαυοί») и «справедливые» («δικαιοτάτοι») — субстантивировались крайне редко и так и не смогли быть исторически идентифицированы: лишь некоторые грамматисты весьма искусственным образом соотносили славнейшие народы с Αγαυοί, а справедливейшие — с Δικαιοτάτοι. Ситуация же с «Ἰππηνόμολοι/доителями кобылиц» (гиппомолгами) и «Γαλακτολόται или Γαλακτοφάγοι/млекоедами или молоко-пьющими» (галактофагами) еще более сложна. Большинство античных грамматистов последовательно определяют эти две группы как единый народ идеализированных пастухов-кочевников. Тем не менее Аристарх (которого цитирует грамматист Никанор в «Схолиях к Гомеру») увидел в них два разных народа, приведя тому довольно сомнительные аргументы. Впоследствии упоминания об этих двух народах встречаются у Аполлодора, которого цитирует Страбон [Страбон 7.3.6–7], у Арриана [Анабасис Александра 4.1.1] и Клавдия Птолемея [География 6.14.9, 6.15.3].

³ Практически полный перечень этих народов см.: [Ivantchik 1996: 671–692; Ivantchik 2005: 18–52]. Попытка классификации этих данных представлена в работе: [Dan 2009]. В ней мы опирались на издание «Илиады» с комментариями М.Л. Веста (West), а также на издание: [Erbse 1974].

В XII в. Евстафий Солунский в «Комментарии к “Илиаде”» (т. 3) делает попытку осмыслить использование словосочетания «ἀγαυοὶ Ἴππημολγοί» («славных доителей кобылиц») в античной литературе:

...καὶ ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν, ἐφ’ ὧν, ὡς φασιν οἱ παλαιοί, ἄδηλον εἶτε τὸ «ἀγαυῶν» ἔθνος ἐστὶν ὄνομα, τὸ δὲ «ἱππημολγῶν» ἐπιθέτως λέγεται, ἢ καὶ ἔμπαλιν τὸ μὲν «ἀγαυῶν» ἐπίθετον, ἴσον τῷ εὐειδῶν, τὸ δὲ «ἱππημολγῶν» κλήσις ἐθνική, ὃ καὶ κάλλιον. Θυρεῖται γὰρ ἐν ἱστορίαις ἔθνος Ἴππημολγοί. περὶ Σκυθίαν δὲ τὸ τοιοῦτον ἔθνος, δηλαδὴ τὸ τῶν ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν, οὗς καὶ γαλακτοφάγους καλεῖ καὶ ἀβίους καὶ δικαίους, εἰπὼν «αὐτὸς δέ», ὡς εἴρηται, «πάλιν τρέπεν ὄσσε φαεινὸ νόσφιν, ἐφ’ ἱπποπόλων Θρηκῶν καθορώμενος αἶαν, Μυσῶν τ’ ἀγχεμάχων καὶ ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν γλακτοφάγων ἀβίων τε δικαιοτάτων ἀνθρώπων», γλακτοφάγους μὲν προσεῖπῶν, ὃ ἐστὶ κατὰ ἐντέλειαν γαλακτοφάγους, ὡς ἱππημολγούς καὶ ἀπὸ γάλακτος τρεφομένους καὶ γαλακτοπότας πρὸς τινῶν δι’ αὐτὸ λεγομένους, ἀφ’ ὧν καὶ ἱππάκης κατὰ Αἴλιον Διονύσιον βρῶμα Σκυθηκῶν διὰ γάλακτος ἱππέιου σκευαζόμενον (См. словари Гесихия и Фотия, s.u. «ἱππάκη»).

...и «славных доителей кобылиц», которых идентифицируют, как утверждали в древности, с неизвестным племенем Славнейших (и тогда определение доительски-кобыл выступает в роли эпитета), либо наоборот: «славные» являют собой эпитет, употребляемый в том же значении, что и «красивые», а «доители кобылиц» есть этническое уточнение, что на самом деле выглядит логичнее. Ведь в исторических книгах встречаются смутные упоминания народа «доителей кобылиц»/ ἱππημολγοί (гиппомолгов). Этот народ «славных доителей кобылиц», <жил> на границах Скифии, и его также называли «млекоедрами», «бедняками» и «праведниками», как τό описывает поэт <Гомер>: «...он отвратил светозарные очи, бросив свой взгляд вдаль на землю фракийцев, наездников конных, и на земли мизян, бойцов рукопашных, и славных доильщиков кобылиц, молоко-пьющих бедняков, мужей справедливых». Когда он говорит о «глагоктофагах», то имеются в виду «галактофаги/млекоеды», поскольку доители кобылиц питались молоком и иногда назывались «молоко-пьющими», откуда также <происходит>, согласно Элию Дионисию, кобылий сыр — скифская пища, которую готовили из кобыльего молока.

Кто же эти доители кобылиц, первые обитатели северо-восточных окраин ойкумены? Греческое название народа «Ἰππηλογοί» имеет праиндоевропейский корень «*mlgʰ» («доить») [Ernout, Meillet 2001; Chantraine, 1999]: он был характерен для лексики устного эпоса и фигурировал в VI в. до н. э. в «Каталоге женщин» Гесиода в описании скифов, потомков Скифа, сына Зевса. Вполне возможно, что эти скифы и были галактофагами, однако утверждать это с уверенностью нельзя, учитывая лишь частичную сохранность текста Гесиода (см.: [Lévy 1981: 57–68; Hartog 1996: 104]; см. также: [Hartog 1980; West 1999: 76–86; Romm 1992; Skinner 2012]).

То, что за доителями кобылиц и млекоедами могли скрываться скифы, обнаружилось лишь в V в. благодаря их упоминанию в одной из недошедших до нас трагедий Эсхила [фр. 198 Nauck²]⁴. Существует как минимум три причины, которые объясняют это позднее отождествление: (1) особенности распространения греческих текстов; (2) интерес Афин к Северу, присутствующий и у авторов более поздней эпохи; (3) развитие исследований и размышлений о характерологии «чужого».

Исходя из текстов, до нас дошедших, мы можем утверждать, что по крайней мере начиная с Геродота (если, конечно, это не имело место уже в конце VI в. до н.э. у Гекатея Милетского и Гиппократя, наследника традиций милезской школы) молоко-пьющие и млекоеды «γαλακτολόται/γαλακτοφάγοι» ассоциировались с такими конкретными этническими группами, как массагеты и аргиппеи на севере, эфиопы, насамоны и ливийцы — на юге. Таким образом, галактофагов словно изолировали от античного мира, помещая их на Крайнем Востоке за пределами Персии: они были «чужими» не только для греков, но и для варваров персов.

В V в. Афины все более активно начинают развивать торговые отношения на Черном море и с державой Ахеменидов (она же — «Арийская Империя» и Первая Персидская Империя). Появляется все больше упоминаний Скифии, которые, однако, носят все еще весьма приблизительный характер. Но

⁴ На это упоминание в следующем веке будет опираться историк Эфор (см.: [Куклина 1969: 120–130; Ivantchik 2005: 31]).

если вспомнить о южно-сибирских захоронениях пазырыкцев и об обширной области кочевания, освоенной степными номадами, то отпадают сомнения в том, что определения доители кобылиц, молоко-пьющие и млекоеды могли относиться к большинству кочевых племен, проживавших на территории от современной Украины до Монголии⁵. Северо-Восток представлял прежде всего как край кочевников-пастухов, олицетворявших собой уже в более позднюю эпоху детство человечества.

Как объяснить, что северный варвар, кочевник, ослабленный холодом первобытный галактофаг мог послужить прообразом идеального типа доброго дикаря/*bon sauvage* (см.: [Trüdinger 1918: 140–141; Müller 1972–1980: 244–245; Lovejoy, Boas 1935: 117–118, 288–289, 315–316; Montiglio 2000: 86–105])? Народы, питавшиеся исключительно молочными продуктами (то, что в настоящее время называется монодиетой), вызывали у греков противоречивые чувства: с одной стороны, ностальгию по миру, где царит справедливость, миру близкому богам, который ещё не познал трудностей земледелия (подобное можно было найти в «Трудах и днях» у Гесиода (стр. 109–120) и в «Законах» Платона (679а.); с другой стороны — отвращение ко всему чудовищному, нецивилизованному, воплощением чего был, например, Циклоп Гомера в его «Одиссее» (9: 297; ср. также сатирическую драму Еврипида «Киклоп»)⁶. Галактофаг — такой же дикарь с близлежащих гор, как и живущий в степях или отдаленных пустынях кочевник: ни тот ни другой не занимается сельским хозяйством или виноделием, не знает масла, вина, злаковых продуктов. Молоко — это пища «чужого»: оно, возможно, обусловило мягкость «восточного» характера (об этом пишет Гиппократ в своем трактате «О воздухе, водах и местностях», §18) и являлось причиной особого долгожительства макробиян/*makrobioi*, как писал о том Геродот

⁵ В дополнение к библиографии, представленной в первой сноске, см.: [Рубаков 1979; Нейхардт 1982; Доватур, Каллистов, Шишова 1982].

⁶ О роли молока в греческом мире и двойственности его восприятия см.: [Shaw 1982–1983: 5–31; Auberge 2000: 1–41; Auberge 2001: 131–157; Braund 1999: 521–530; Mauduit 2006].

(3: 23). Очевидно, что эти две характеристики кажутся достаточными для соотнесения «доителей»/«млекоедов» с «абиями/*abioi*», каким бы смыслом ни был наделен последний этноним (см. ниже). К тому же молоко, напиток новорожденных и бес- смертных, отвечало представлениям о пище мудрецов и праведников⁷. Именно поэтому Анахарсис Гиперборейский (или Скифский) мог быть «галактофагом», а его народ — «праведнейшим» [Kindstrand 1981].

1.1.2. Абии/*Abioi*

Свидетельства об историческом народе, проживавшем на северо-западе ойкумены, который мог быть гомеровским *abioi*, встречаются начиная с V в. до н.э. В трагедии Эсхила «Прометей освобожденный» Прометей говорит о «самом справедливом и гостеприимном среди смертных народе — народе габиев/*gabioi*, землю которого не пересекают ни плуг, ни острая мотыга, но чьи плодоносные поля представляют для смертных вечный и обильный источник жизни» / ἔπειτα δ' ἤξει<ς> δῆμον ἐνδικώτατον / <βροτῶν> ἀπάντων καὶ φιλοξενώτατον, / Γαβίους, ἴν' οὐτ' ἄροτρον οὔτε γατόμος / τέμνει δίκελλ' ἄρουραν, ἀλλ' αὐτοσπόροι / γύαι φέρουσι βίωτον ἄφθονον βροτοῖς... ...»⁸.

Кто же они, эти абии/габии? За неимением исторических данных мы можем попытаться установить лишь происхождение этого названия. Еще со времен Античности было предпринято немало попыток этимологического, как минимум двенадцать, толкования этого имени, наиболее важные из них были описаны, вслед за другими комментаторами и лексикографами Гомера, Стефанием Византийским, автором «Схолий», и Евстафием Солунским в его комментарии к «Илиаде»:

⁷ Так, например, писал Лукиан в «Мениппе, или Путешествии в Подземное царство»; то же представление мы встречаем в «Застольных беседах» Плутарха.

⁸ О проблемах, связанных с возможным образованием названия «габии» от «габиев» (с добавлением частицы «γ / γ'» или «τ' Ἰβιοι»), см.: [Reese 2001: 465–470; Ivantchik 2005: 39].

Στεφαν Βιζαντιγκις. «Ἄβιοι, ἔθνος Σκυθικόν. Ὀμηρος»

Ἄλεξανδρος δὲ ἐν τῷ περὶ Εὐξεινίου
 πόντου φησίν, ὡς Διόφαντος εἶπεν,
 οὕτω λέγεσθαι αὐτοὺς διὰ τὸ τὸν
 Ἄβιανὸν ποταμὸν κατοικεῖν.
 δικαίους δ' εἶπεν Ὀμηρος διὰ τὸ μὴ
 βουληθῆναι μετὰ τῶν Ἀμαζόνων
 ἐπὶ τῆν Ἀσίαν στρατεῦσαι. ἢ ὅτι βίῳ
 ἐδραίω οὐ χρώνται οὕτω λέγονται,
 διὰ τὸ ἐφ' ἀμαξῶν φέρεσθαι.
 [...] ἐκλαμβάνοντες οἱ μὲν τὸ μὴ
 βιαζομένων, διὸ καὶ δικαιοτάτοι-
 οἱ δὲ ἀοίκων, διὰ τὸ μὴ ἔχειν ἡμῖν
 ὁμοιον βίον· οἱ δὲ ὁμοβίων, τουτέστιν
 ὁμοτόξων. τοξόται γὰρ οἱ αὐτοί.

В книге «О понте Эвксинском» Александр [Полигистор], опираясь на рассказ Диофанта, говорит, что этот народ так назван потому, что он обитает на берегах реки Абин (Abianos). Гомер называет их справедливыми, потому что они не захотели преследовать азиатских амазонок, изгоняя их из Азии; а может быть, этот народ так назван потому, что он не ведет оседлой жизни и передвигается в повозках. [...] Некоторые полагают, что он не прибегает к насилию, будучи самым праведным; другие же считают, что причиной тому является отсутствие у них домов, поскольку их жизнь не похожа на нашу; третьи же утверждают, что такое название обусловлено тем, что их основное оружие — лук, и сами они — лучники.

Scholia exegetica D AT ad loc.

ex. | D | ex. Ἄβιοι: τῶν νομάδων
 Σκυθῶν, ὅθεν καὶ ὁ Ἀναχάρσις D | ex.
 | ex. ἐστίν· οὐς δὴ φησι δικαιοτάτους
 εἶναι ἀπάντων, AT ὅτι κοινοὺς ἔχουσι
 παῖδας καὶ γυναῖκας καὶ τὰ πάντα
 πλὴν ξίφους καὶ ποτηρίου. τούτοις
 δὲ αὐτομάτως ἢ γῆ βίον φέρει οὐδὲν
 τι ζῶον ἐσθίουσιν. [...] Ἄβιοι δὲ
 ἐκλήθησαν ἢ παρὰ τὸν βίον ἢ τὴν
 βίαν, ἢ τᾶμα βιῶντ' πορευόμενοι, ἢ
 ὅτι ἄοικοι. A b (BCE3E4) T οἱ δὲ AT |
 τὸ α κατ' ἐπίτασιν, ἴν' ἢ πολυβίων καὶ
 πολυετῶν, A | ὅτι μακρόβιοι, AT | ἢ τὸν
 ἡμέτερον βίον μὴ ἐγνωκότων· ἐπιφέρει
 γὰρ δικαιοτάτων ἀνθρώπων. ἢ μὴ
 βιαζομένων. ἢ ἀμαξοβίων. | τινὲς δὲ
 τοῦτους Σαρμάτας φασίν. A | λέγουσι
 δὲ αὐτοὺς τοὺς ὀδίτας τρέφοντας
 ἄλλον ἄλλῳ διαπέμπειν. AT

...абии (Abioi) — скифские кочевники, выходцем из которых был и Анахарсис. Он [Гомер] говорит, что эти кочевники были самыми справедливыми из всех, поскольку у них были общие дети, жены и имущество, за исключением мечей и сосудов для питья. Земля сама кормила их, и они не ели ничего, что было бы животного происхождения. Их называли «абии/abioi» либо по аналогии с *bios* = жизнь, либо с *bia* = сила, или же еще и потому, что они кочуют, будучи вооружены луками, а еще потому, что они не имеют определенно-го места проживания. Некоторые считают, что звук «а», если он растяженный, означает тех, «кто долго живет в течение многих лет», и

что абии живут долго и что они не знают нашей жизни (поскольку он [Гомер] добавляет: «самые праведные среди людей»), или же что они не знают насилия, или что они живут в повозках. Другие относят абиев с сарматами. Считается также, что пища, которую они потребляют во время странствий, их меняет.

Таким образом, имя «абии/*abioi*» обычно рассматривалось как состоящее из приставки «а» и основы «βи». Приставка могла иметь два значения: первое было привативным, означающим «без»; второе, напротив, было соединительным, означающим «с»⁹. Оба значения приставки сочетались с тремя корнями, которые распознаются в основе «βи»: «βία = насилие», «βίος = лук» и «βίος = жизнь». Так мы получаем как минимум шесть вариантов значения слова: «без насилия», «без лука» и «без жизни» (истолкованное как «с короткой жизнью», «без нашей цивилизованной жизни», «без жизненных ресурсов», то есть без жилища, без разнообразной пищи, без земледелия и «без женщины, спутницы жизни»). Или, наоборот, «с силой», «с луком» и «с долгой жизнью» (или «с одной жизнью», то есть с одной общей жизнью) [Snell, Erbse 1979]. Как ни удивительно, все эти противоречивые интерпретации совпадали с общим представлением о популяциях скифов и сарматов, проживавших в евразийской степи, — диких варварах, «чужих».

1.1.3. От Северо-Востока Европы к Северо-Востоку мира

Поэты гомеровской эпохи и их комментаторы, а также Эсхил и Геродот, считали, что эти идеализированные кочевники проживали на всем побережье Черного моря, на Кавказе и вплоть до Каспийского моря: это были народности, с которыми греки могли сообщаться (даже если контакт был не прямой) начиная со времен Великой греческой колонизации. Переломной

⁹ «ἀ- : негативный (привативный) префикс» и «ἀ-: соединительный префикс». См.: [Chantraine 1999].

в этом отношении становится эпоха эллинизма. Именно тогда Диофант, автор «Понтийских историй», которые читал Корнелий Александр по прозвищу Полигистор, связал имя абиев с лесным массивом Гилеи/Абике в низине Борисфена (Днепра), где хтоническая богиня Апи соединилась некогда с Гераклом, чтобы породить скифов¹⁰.

Кажется, что это позднее отнесение абиев к области Понта было реакцией на их обнаружение на северо-восточных границах земель Александра Македонского. Действительно, «открытие» (*invention*) реки Танаис, пересекающей, параллельно Тихому Океану, всю Азию с востока на запад, способствовало виртуальному переселению народов за пределы Дона, Окса и даже Яксарта¹¹. Политическим же подтекстом всего этого было желание вписать походы Александра в карту, которую можно было составить, опираясь на тексты Гомера. Тем самым Александр Македонский становился тем, кто принял абиевых посланцев¹²:

...οὐς καὶ Ὀμηρὸς δικαιοτάτους
ἀνθρώπους εἰπὼν ἐν τῇ ποιήσει
ἐπῆνεσεν· οἰκοῦσι δὲ ἐν τῇ Ἀσίᾳ οὗτοι
αὐτόνομοι, οὐχ ἥκιστα διὰ πλείαν τε
καὶ δικαιοτήτα...

...тех, кого воспел Гомер, называя
их справедливейшими жителями
Азии, свободными благодаря своей
бедности и справедливому складу
ума...

По этой же причине абии появляются на Северо-Востоке Азии в «Географии» Птолемея [6.15.3], где они ассоциируются с Ἰπποφάγοι Σαρμάται, и впоследствии в IV в. у римского историка Аммиана Марцеллина [23.6.53, 62]:

¹⁰ Это представление мы находим у Диофанта (805 F2), Александра Полигистора (273 F14), Стефана Византийского, Геродота.

¹¹ Окс с Танаисом отождествляли среди прочих Аристотель («Метеорологика», I 13, 350a; историк Александра Македонского Гекатей Абдерский, Страбон (2.4.6). Танаис с Яксартом — Аристотель (Метеорологика I 13, 350a), Страбон (2.5.31; 11.1.5; 11.2.1; 11.7.4), Плиний Старший (6.49); Арриан в «Анабасисе Александра» / «Истории походов Александра Великого» (3.30.8).

¹² См. «Анабасис» Арриана (4.1.1), а также Комментарий к Гомеру Евстафия Солунского.

Contra hanc gentem sub aquilone dicuntur Abii uersari genus piissimum, calcare cuncta mortalia consuetum, quos, ut Homerus fabulosius canit, Iuppiter ab Idaeis montibus contuetur. [...] illud tamen sciendum est inter has nationes paene ob asperitatem nimiam inaccessas homines esse quosdam mites et pios ut Iaxartae sunt et Galactophagi, quorum meminit uates Homerus in hoc versu γαλακτοφάφων Ἀβίων τε δικάιοτάτων <τ'> ἀνθρώπων.

Считается, что по соседству с этим народом [гирканийцев], на севере, проживают *abii*, народ весьма набожный и привыкший наблюдать всё смертное; Юпитер наблюдает за ним с вершин Иды, что так прекрасно воспел Гомер. <...> Однако следует знать, что среди этих народов, остающихся неприступными из-за их чрезмерной жестокости, встречаются люди кроткие и набожные, такие, как *яксарты/iaxartae* и млекоеды, которых упоминает Гомер в этом стихе: «и молоко-пьющих и *абиев*, мужей справедливых».

Именно благодаря Александру и его расширению границ ойкумены абии, по-прежнему ассоциируемые с млекоедами и пьющими-кобылье-молоко, входят в историю и получают свое законное место на северо-восточных границах греко-римского мира. Разумеется, их образ имел мало общего с реальной Сибирью, каковой она была в древности. «Славные доильщики и пьющие-кобылье-молоко, справедливые абии» являются все-таки отголоском тех представлений, которые греки могли иметь о кочевой жизни. Законы ее были едиными как на Востоке, так и на Западе, в степях и на склонах гор. Они были также выражением ностальгии древних греков по своим предкам, по их собственному примитивизму и навсегда ушедшему Золотому веку.

1.2. На пути гипербореев, в стране солнечного Леванта: исседоны, аримаспы, грифоны.

Эллинистическая идеализация народов Северо-Востока наложилась на северо-восточные представления об Эльдорадо, имевшие место уже в архаике. В VII веке до н. э. древнегреческий поэт Алкман, сам бывший родом из Сард (Сардиса), включает в свои песни «скифские» легенды далеких северных земель, знание которых было следствием вторжения киммерийцев на территорию Малой Азии (см.: [Ivantchik 2000–2002: 257–264; Ivantchik 2005: 162–168; Zaikov 2004: 69–84]). Мы полагаем лишь неполными фрагментами его текстов, которые

не позволяют в достаточной степени реконструировать представления, которые Алкман мог иметь об окраинных землях. Но мы знаем, что он воспевал гору Рипа (нынешние Рифейские горы¹³) и народ исседонов, который он называл «эсседонами» или «асседонами» в огласовке, более привычной его родному лидийскому языку [Dan 2009: 260; Silberman 1990: 99–110].

И все же более ясная картина Севера формируется лишь в VI в. до н.э. благодаря рассказу о фантастическом полете к гиперборейям, описанному в стихах Аристеом из Проконнеса¹⁴. Его «Аримаспея» до нас не дошла, однако ее содержание было частично воспроизведено Геродотом (V в. до н.э.) и философом-платоником Максимом Тирским (II в.):

Hérodote 4.13

<p>Ἐφη δὲ Ἀριστέης ὁ Καῦστροβίου ἄνθρωπος Προκοννήσιος, ποιῶν ἔπεα, ἀπικέσθαι ἐς Ἴσσηδόνας φοιβόλαμπτος γενόμενος, Ἴσσηδόνων δὲ ὑπεροικέειν Ἀριμασποὺς ἄνδρας μονοφθαλμούς, ὑπὲρ δὲ τούτων τοὺς χρυσοφύλακας γρύπας, τούτων δὲ τοὺς Ὑπερβορέους κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν· τούτους ὦν πάντας πλὴν Ὑπερβορέων, ἀρξάντων Ἀριμασπῶν, αἰεὶ τοῖσι πλησιοχώροισι ἐπιτίθεσθαι, καὶ ὑπὸ μὲν Ἀριμασπῶν ἐξωθέεσθαι ἐκ τῆς χώρας Ἴσσηδόνας, ὑπὸ δὲ Ἴσσηδόνων Σκύθας, Κιμμερίους δὲ οἰκέοντας ἐπὶ τῇ νοτίῃ θαλάσῃ ὑπὸ Σκυθῶν πιεζομένους ἐκλείπειν τὴν χώραν. Οὕτω οὐδὲ οὗτος συμφέρεται περὶ τῆς χώρας ταύτης Σκύθησι.</p>	<p>Аристей, сын Кайстробия, муж из Проконнеса, сказал в своих стихах, что одержимый Фебом он дошел до исседонов; а что выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы, над ними живут стерегущие золото грифоны, а выше этих — гиперборейи, достигающие моря. За исключением гипербореев все <эти народы>, начиная с аримаспов, пребывали в постоянной войне со своими соседями: аримаспы изгнали из своей страны исседонов, исседоны — скифов, скифы же заставили киммерийцев, которые жили на берегу Южного моря, покинуть свою страну. Таким образом Аристей не одобрил то, как скифы поступили в отношении к его родине.</p>
---	---

¹³ Название может означать «гора» в переводе с татарского или даже тибетского, как отмечает Бэкерс: [Beckers 1914 : 534–557]; или же в переводе со скифского: [Ivantchik 1993: 35–67].

¹⁴ Об этой датировке VI в. см.: [Dan 2012: 68–90; Ivantchik 2005]. Гекатей Милетский, автор первого систематического описания географии мира, также упоминает мифические горы Севера (1 F194) и исседонов (1 F193), не давая при этом более точного их описания.

Максим Тирский. Рассуждения. 38.3

(«Является ли добродетель Божьим даром»)

Ἐγένετο καὶ ἐν Προκοννήσῳ ἀνὴρ φιλόσοφος, ὄνομα Ἀριστέας· ἠπιστεῖτο δὲ αὐτῷ οὐχὶ σοφία τὰ πρῶτα, διότι μηδένα αὐτῆς διδάσκαλον προῦφερεν. Πρὸς οὖν διήτην τῶν ἀνθρώπων ἀπιστίαν ἐξεῦρεν λόγον· ἔφασκεν τὴν ψυχὴν αὐτῷ καταλιπούσαν τὸ σῶμα, ἀναπτᾶσαν εὐθὺς τοῦ αἰθέρος, περιπολήσαι τὴν γῆν τὴν Ἑλλάδα καὶ τὴν βάρβαρον, καὶ νήσους πάσας, καὶ ποταμούς, καὶ ὄρη· γενέσθαι δὲ τῆς περιπολήσεως αὐτῇ τέρμα τὴν Ὑπερβορέων γῆν· ἐποπτεῦσαι δὲ πάντα ἐξῆς νόμια καὶ ἦθη πολιτικά, καὶ φύσεις χωρίων, καὶ ἀέρων μεταβολάς, καὶ ἀναχύσεις θαλάττης, καὶ ποταμῶν ἐκβολάς· γενέσθαι δὲ αὐτῇ καὶ τὴν τοῦ οὐρανοῦ θέαν πολὺ τῆς νέρθεν σαφεστέραν. Καὶ ἦν πιθανώτερος λέγων ταῦτα ὁ Ἀριστέας μᾶλλον μὴ ὄνια ἐξ ἀγορᾶς, ἢ Ξενοφάνης ἐκεῖνος, ἢ τις ἄλλος τῶν ἐξηγησαμένων τὰ ὄντα ὡς ἔχει· οὐ γάρ πω σαφῶς ἠπίσταντο οἱ ἄνθρωποι τὴν ψυχῆς περιπόλησιν, οὐδὲ οἴσισιν ὀφθαλμοῖς ἕκαστα ὄραν, ἀλλὰ ἀτεχνῶς ἀποδημίας τινὸς φῶντο τῇ ψυχῇ δεῖν, εἰ μέλλει ὑπὲρ ἐκάστου φράσειν τὰ ἀληθέστατα.

В Проконнесе жил также один философ по имени Аристей; поначалу в нем никто не полагал мудреца, поскольку он признавался, что не имел учителей. Способ, который он нашел, чтобы побороть недоверие людей, был следующим: он рассказывал, что его душа покидала тело, что она сразу же возносились в небеса, пролетала то над греческими землями, то над землями варваров, над всеми островами, реками и горами, и своей полет она прервала лишь оказавшись в стране гипербореев. Она изучила там политические законы и обычаи, природу этих мест, колебания воздуха, морские приливы и отливы, устья рек. Она созерцала небо, более светлое, чем находящаяся под ним земля. И когда Аристей произносил все эти речи, <имевшие> не больше ценности, чем товар на базаре, ему верили больше, чем Ксенофану или любому другому философу, который называет вещи своими именами, когда их описывает. Потому что люди в действительности не верили ни в эти полеты души, ни в глаза, способные увидеть сущность вещей; но, в целом, они думали, что душе могло бы понадобиться это путешествие, если бы она захотела дойти до самой последней истины.

Этого путешествия к аримаспам в действительности не было [Bolton 1962; Alemany i Vilamajó 1999: 45–55]: сам Аристей представил его как своего рода опыт транса, который в новейшие времена истолковали, справедливо или нет, как ша-

манский¹⁵. Конечно, поэт мог отправиться в область Черного моря или в Северную Азию, вступить на этих землях в сношение с торговцами или познакомиться с мифами и легендами, пришедшими в Малую Азию в результате миграции киммерийских народов. Он мог таким образом узнать о существовании сибирских шаманов или, возможно, шаманов также и других регионов Севера или Севера-Востока во времена, когда их экстатические опыты еще отождествлялись с греческими аполлоническими и пифагорейскими практиками. Что бы ни стояло на самом деле за шаманизмом Аристея, само его путешествие должно рассматриваться как литературный вымысел, повествующий о полете солнечного бога Аполлона в страну гипербореев¹⁶. Обратный его путь напоминает путешествия скифских мудрецов, которых отождествляли с Аполлоном и Пифагором, или же один из маршрутов Гиперборейских Дев, несших дары, дабы возложить их на алтарь священного острова Делоса. С VI века до н.э. поэта отождествляли с Аристеасом / Aristaios — сыном Аполлона, местом рождения которого была Аркадия. Ему приписывали участие в колониальных походах, а также открытие оливы как культуры, из которой затем получают масло. Особенно он был почитаем на агоре Метапонта (в Южной Италии, к северу от Турии, второй родины Геродота) [Ivantchik 2005; Dan 2009].

¹⁵ О том, что за образом Аристея мог скрываться шаман, представитель финно-угорской или, шире, северо-азиатской культуры, говорили многие авторитетные исследователи. См.: [Meuli 1935: 121–176; Dodds 1951: 141–142; Phillips 1955: 161–177; Phillips 1957: 159–162; Bowra 1956: 1–10]. М.А. Леви склоняется скорее к алтайской генеалогии Аристея [Levi 1989: 108–137.]. Современные специалисты по истории религий склонны однако видеть в Аристее героя греческого Средиземноморья, делая его мистической фигурой, лишь сопоставимой с сибирским шаманом [Burkert 1962: 36–55; Brown 1981: 374–400; Ogdén 2002: 14].

¹⁶ Ср. труды Диодора Сицилийского (2.47), а также «Метаморфозы» (§ 20) древнегреческого грамматика Антонина Либерала.

1.2.1. Гипербореи

Гипербореи, проживающие за пределами того пространства, которое стало конечным пунктом путешествующего Аристея, были, конечно же, художественным вымыслом греков: идеальный народ, неподвластный всевозможным природным катаклизмам и социальным притеснениям, олицетворением которых выступал Северный (Северо-Восточный) ветер Борей [Daebritz 1914: 258–274; Romm 1989: 97–113; Zaphiropoulou 1997: 641–643; Lazova 1996; Bridgman 2005: 47–48]. Правда и то, что некоторые описания гипербореев содержат порой исторические детали, носящие отпечаток кельтской, германской, скифо-сарматской и даже монгольской и китайской мифологий. Тем не менее даже и «География» Клавдия Птолемея (5.9.16; 8.29.31), который определяет как место обитания сарматов-гипербореев земли, простирающиеся за воображаемой Гиперборейской горной цепью, проходящей севернее Каспийского моря (6.14.3), не позволяет точно и достоверно отождествить гипербореев с какими-либо историческими племенами.

1.2.2. Исседоны

На виртуальном пути Аристея, который начинался на Черном (т. е. Киммерийском) море и следовал далее на Северо-Восток, встречались скифы, исседоны, аримаспы, грифоны, гипербореи, а также Рифейские горы и еще одно, вероятно, внешнее, море¹⁷. Последовательное перечисление народов, проживающих на пространстве ойкумены, границей которого является «царство Борей» (то есть проживающих в мире, еще отмеченном страданиями), воспроизводит легендарную хронологию миграции киммерийцев в Малую Азию. Именно в этом контексте Аристей вводит первые дошедшие до нас сведения об исседонах и аримаспах:

¹⁷ Об этом сообщают: Геродот (4.13, 25sq., cf. 3.116), Дамаст Сигейский (5 F1), а вслед за ними Страбон (11.6.2), Помпоний Мела (2.2), Плиний Старший (4.88–89, 6.19, 50) и Павсаний («Описание Эллады» 1.24.6).

«Книга историй» («Хилиады») Иоанна Цецеса 7.679–684

Ἴσσηδοὶ χαίτησιν ἀγαλλόμενοι ταναῆσι· καὶ σφᾶς ἀνθρώπους εἶναι καθῦπερθεν ὁμοῦρους πρὸς Βορέω, πολλοὺς τε καὶ ἔσθλοὺς κάρτα μαχητάς, ἀφνειοὺς ἵπποισι, πολὺρρηνας, πολυβοῦτάς. Ὅφθαλμὸν δ' ἐν ἑκάστος ἔχει χαρίεντι μετώπῳ, χαίτησι λάσιοι, πάντων στιβαρώτατοι ἀνδρῶν.	Исседы (исседоны), гордящиеся своими длинными волосами. И они поговаривают, что суще- ствуют мужи, их соседи с вершин Близ Борея, многочисленные воители и настоящие храбрцы, Которые держат табун лошадей, а также ягнят и коров. У каждого на величавом лбу по глазу, Покрытые густыми волосами, <они> — самые могучие мужи.
--	---

Исседоны, варвары с окраин, горделивые и прекрасные, — определения, прекрасно отвечающие представлениям о воинах-кочевниках. Часто отождествляемые со «скифами» (то есть с иранцами или, по меньшей мере, с кочевыми племенами), они были известны грекам благодаря киммерийскому, скифскому и, возможно, персо-ахеменидскому посредничеству: именно так можно объяснить их последующую идентификацию с массагетами, виновниками падения Кира Великого. Их имя исторически возникло скорее всего в среде кочевых племен, местом обитания которых были современный Туркменистан, Узбекистан и Казахстан¹⁸.

1.2.3. Аримаспы и грифоны

Описание аримаспов, которое поэт делает не от своего имени, но словно приписывая его исседонам, напротив, ставит перед нами неразрешимые вопросы: мы не знаем, действительно ли соседи исседонов воспринимались как одноглазые и волосатые чудовища. И действительно, если не знающие семейного очага воины, как и богатые пастухи, соответствуют классическому образу скифов, то одноглазые

¹⁸ О попытках идентификации археологических материалов Центральной Азии, найденных на юге России, на территории Туркменистана, Узбекистана и особенно Казахстана, с племенем исседонов см.: [Corcella 2001: 254; Alemany i Vilamajó 1999: 49–50]. Отождествление исседонов с китайским усунь (Wusun), каким бы соблазнительным оно ни казалось, убедительным не является [Schiltz 2016: 1–46].

аримаспы скорее напоминают циклопов из «Одиссеи» и аттической трагедии и, в более широком смысле, тех чудовищ, живущих на краю света, что создало воображение различных народов¹⁹. Более того, если многочисленные литературные предания, описывающие битвы аримаспов с грифонами, восходят исключительно к Аристею, то в живописи и скульптуре аримаспы никогда не изображались как чудовища, но всегда — как кочевники Севера²⁰.

Одноглазые существа, хранители золота, есть чудовища азиатского фольклора или, по крайней мере, тех народов, которым иранские племена дали имя, переводимое Геродотом как «одноглазые» (возможно, что они и сами себя так именовали) [Ratcliffe 2014]. Поскольку в настоящее время невозможно определить, о каком конкретно племени шла в этой связи речь, то мы и не знаем, восходит ли этот образ исключительно к сказаниям или же он возник как результат ритуальных об-

¹⁹ В течение некоторого времени считалось, что упоминаемый Геродотом эпитет «одноглазый» (4.27) является обозначением одного из реально существовавших иранских этносов: см.: [Hinge 2005: 86–115; Alemany, Vilamajó 1999: 49]. Этимологическое версию происхождения данного представления см.: [Pinault 2008: 105–138; Schiltz 2016].

²⁰ Предания об аримаспах, изученные Дж.Д.П. Болтоном, встречаются еще в доантичный период. Даже если во времена Средневековья аримаспов обычно путали с циклопами-монокулями, память о них сохранялась в названиях и производных от них гидронимах, а также в упоминаниях об их легендарных сражениях, в частности у Юлия Гонория (кон. IV–V вв. н. э.), у Беды Достопочтенного (ок. 673–735) в его «Толковании на Апокалипсис», у Псевдо-Овидия в «De mirabilibus mundi» (ср.: «Arimaspus. Omnis in hac gente fert unica lumina fronte»). Аримаспы фигурируют и на картах, начиная с карты 1 Турне (так называемой карты Святого Иеронима), а затем на картах мира Херефорда (XIII в.), Верчелли (XIII в.), на первой Псалтырной карте Т-О типа (Т-образный крест вписан в круг) Матвея Парижского (1200–1259). Стоит отметить упоминания аримфеев/аремфеев (сочетание имен аримаспов и рифеев [?]) в текстах Помпония Мела (1.117), Плиния Старшего (6.19, 34) и Солина (17.1–3). В рамках данной латинской традиции они упоминаются на карте Св. Виктора (Muenchen, Bayerische Staatsbibliothek CLM 10058 fol. 154v) и на второй Псалтырной карте (British Library Add. 28681 X.9.1 fol. 9).

рядов — например, плясок в масках, что вполне могло бы впечатлить путешественника. Сегодня иранисты все же сходятся во мнении о происхождении названия этого народа от корня лексемы «лошадь» («*asra*») — «те, кто владеют красивыми лошадьми» [Pinault 2008; Pirart 1998: 239–260]. Их каннибализм был необычен даже для скифов, он был явлением клана, что впрочем не исключало возможности данного явления. Но он мог быть также отголоском некоторых южно-сибирских погребальных обрядов, во время которых кочевники летом разрезали на части тела умерших соплеменников, чтобы перевезти и снова похоронить их осенью или весной подле зимних стоянок (например, на могильнике Аймырлыг, относимом к периоду Железного века) [Murphy, Mallory 2000: 388–394]. Другим объяснением ритуального расчленения тела могло быть желание избежать загрязнения почвы, когда умирал шаман [Bendezu-Sarmiento 2008: 73–86]. Все это лишь неявное свидетельство сибирского происхождения исторического народа, породившего греческую легенду об аримаспах.

Другим возможным указанием на местоположение аримаспов могли быть грифоны, изображения которых встречаются в декоративной южно-сибирской культуре «скифов», в частности, в культуре пазырыкской (южно-алтайской) [Rudenko 1970; Meyer 2013: 111–112]. При этом, как уже упоминалось ранее, грифоны, сторожившие золото земли, имели отнюдь не северо-восточное происхождение [Bisi 1965; Pasquier 1975: 454–467; Deplâce 1980; Leventopoulou 1997: 609–611]. Известные в Иране и Египте начиная с четвертого тысячелетия, грифоны встречаются в средиземноморских землях во втором тысячелетии до н.э., когда их по ошибке путали с «минойскими гениями» [Deplâce 1967: 49–86; Sambin 1989: 77–96]. Во времена Среднего Бронзового века свидетельства о таких мифических существах встречаются в Анатолии и на Ближнем Востоке. Именно оттуда в период восточной экспансии грифоны вновь появляются в греческом пространстве, а из Ирана «приходят» в Центральную Азию и Сибирь, вероятно, к VI–V вв. до Р.Х. [Hayashi 2012: 49–64]. Конечно, их уже словно «ждали», поскольку у кочевников были собственные существа-гибриды, например, степные грифоны, о которых говорит Анри-Поль Франкфор [Francfort

2008; Francfort 2017: 222–237; Запорожченко, Черемисин 1997: 83–90]. Необычайная важность этих существ подтверждается обнаружением останков животных, исчезнувших в геологический период позднемеловой эпохи — протоцератопсов пустыни Гоби в Монголии [Mayor, Heaney 1993: 40–66; Mayor 2001: 15–53]. Но и их историческое существование вовсе не является обязательным: грифон есть не что другое, как помесь зверя, царящего в небе, и зверя, царящего на земле, т.е. орла и льва. Так что образ этот мог появиться в разных культурах относительно независимо, прежде чем он стал объектом процесса межкультурных имбрикаций.

Таким образом, согласно современной наиболее правдоподобной гипотезе, грифон, появившийся первоначально на степных просторах, в ходе контактов с цивилизациями Юга обрел затем иранские черты, а также частично греческие. То, что греки «обнаружили» его у кочевников Причерноморья, определило его скифскую идентификацию: данный процесс отразили монеты, на которых был изображен этот символ: от Теоса и Абдеры (начиная с V в. до н.э.) до их понтийской колонии на северо-востоке Фанагории, в Пантикапее и у синдов (IV в. до н.э.). Символика этих существ во всех культурах также особенно важна: образ грифона связан как с солнцем, так и с самым сверкающим металлом — золотом; и солнце, и золото есть словно порождение земных глубин. Тем самым связь грифона с Северо-Востоком, то есть с местом, где солнце восходит в июне, в период летнего солнцестояния (когда излучаемый им свет кажется наиболее интенсивным), а также местом, где добывается золото, совершенно оправдана как с мифологической, так и с символической точки зрения.

1.2.4. От Урала до Алтая: где находится страна аримаспов?

Что же это за горная страна, которую греки считали землей аримаспов, проживавших между среднеазиатскими исседонами и гиперборейями берегов Северного океана? С уверенностью можно утверждать лишь то, что горы, о которых шла речь, известны были своими золотыми приисками. Были ли Алтайские горы, «Золотые Горы», как о том свидетельствует тюркское про-

исхождение их названия, известны своими золотыми месторождениями уже в Античности? Ответ на этот вопрос можно получить, лишь проведя химический анализ, позволяющий определить источник скифского золота. Тем не менее современный уровень познаний, в основе которого лежит стилистический метод исследования, позволяет утверждать, что если даже золото добывали и продавали на территории Северной Азии, то металлургия и обработка металла пришли туда извне²¹. К евразийским степным народам искусство работы по металлу пришло из южных регионов — с Южного и Ближневосточного Кавказа, затем из Греции и Ирана: вот почему мы говорим о греко-скифском искусстве северного побережья Черного моря и о персидском влиянии на искусство кочевников Азии.

Также невозможно установить, могли ли Алтайские горы быть упомянуты у персов, а затем и у греков под именем Рифейских. Местоположение этих мифических гор, отделявших гипербореев от остального мира, по-разному определялось греками, которые ассоциировали их с территорией, простиравшейся от восточных отрогов Кавказа и до Альп. Поскольку название непреодолимой северной горы, служащей *axis mundi* — столпом, поддерживающим небеса, равно как и миф об этой горе, имеют иранское происхождение, Алтай (вместе с Тянь-Шанем) мог быть одной из северных гор, породивших данный миф. Однако в досовременную эпоху различие горных цепей, протянувшихся на востоке Каспийского моря от Урала и до Алтая, не делалось.

Действительно, упоминание множества горных отрогов Северной Азии Птолемеем (илл. 1–2) заставляет нас ограничиться лишь некоторыми малоубедительными гипотезами. Так, можно было бы отождествить Уральские горы с Аланскими горами, а также сибярами и анареями [География 6.14.3, 8]²². Алтайские

²¹ Так, металлургия пришла в Китай в конце III в. — начале II в. до Р.Х., о чем свидетельствует сейминско-турбинский транскультурный феномен [Meisun, Liu 2017: 1–6].

²² Анареи напоминают несколько энареев/анэреев Геродота (1.105, 4.67) и Гиппократ («О воздухе, водах и местностях» 21–22). См.: [Donat 1993]. Их имя может быть истолковано как производное от корня «*nar* / человек» с присоединением отрицательной приставки «*a*», определяющие этот народ как популяцию безволь-

горы, расположенные за Имеоном (если отождествлять последний с Тянь-Шанем), соответствовали бы тогда области Аузакия (которая простирается от Канарских островов Атлантики (149°–165° в.д.) и до Экватора (49°–54° с. ш.)) или, что более вероятно, горному хребту Анниба (между 153°–171° в.д. и 56°–60° с.ш.), отделяющему гомеровских абиев от монголо-китайской Серики [География 6.16.2]²³. Название Аннибских гор происходит от названия народа аннибов (*Anniba, Annibi*) [Аммиан Марцеллин 23.6.64–65], которое в соответствии с иранской этимологией (если мы будем основываться на привативном суффиксе *a-*) могло бы переводиться как «те, что некрасивы». Аннибы, которым приписывался «кавказский тип внешности», вполне могли быть монголоидами [Tomaschek 1894: 2258–2259]. Поэтому вполне возможно, что они проживали на окраинах Сибири и, возможно, непосредственно на Алтае, но установить источник этой информации и то, каким образом Птолемей ее переработал, мы не можем. Иными словами, даже самая правдоподобная, рационально составленная карта мира в период, предшествовавший великим географическим открытиям XVI–XVII вв., являла собой не реальную картографию, но компендиум устных преданий, по необходимости гибридных, отражающих разные сведения, которые Птолемей представил в графической форме, руководствуясь при том здравым смыслом.

«География» Птолемея — это превосходная иллюстрация достижений античности в познании мира в целом и, в частности, ее представления о местности, которую мы довольно расплывчато называем Сибирью. 7-я и 8-я карты Азии (илл. 1–2) являют собой синтез самых разнообразных северо-восточных утопических представлений, какой можно было только представить себе в Античности. Птолемей сохраняет память о гомеровских абиях, вошедших в историю благодаря Александру

ных людей; но также это название может происходить от индо-европейского корня «**en-h₂nor-*» — «имеющий внутреннюю силу» [Brust 2005: 258].

²³ О горе Авзакия, откуда берет свое начало река Ойхардес (современный Тарим на северо-востоке Китая) см.: [Tomaschek 1896: 2623].

Великому; он поселяет их на краю света, будучи верен утопическим представлениям о пределах мира, маркировавшим с самого начала греческую историю. Но он заменяет чудовищ Аристея, проживавших в местах — источниках золота и солнца, новым, более правдоподобным образом, хотя все еще далеко не толерантным к «чужому». Его «География» демонстрирует, что во времена расцвета Римской империи западные познания ойкумены включали в себя и Алтай и что, несмотря на успех мифа об аримаспах, в исключительных случаях (к числу которых относится и карта самого Птолемея) можно было составить себе вполне разумное представление о мире, оставив в стороне все, имеющее очевидную фантазийную природу.

Птолемеевское представление о Сибири является скорее следствием интеллектуального усилия, нежели строго научного подхода. К тому же оно оставалось относительно одиноким в досовременной эпохе, а аримасы между тем продолжали жить своей жизнью, все более наполнявшейся вымыслом. Богатейшая информация, собранная Птолемеем в «Географии», остававшейся в силу своей насыщенности разнообразнейшими сведениями и рациональным методом их освоения мало понятной культурам, еще не ведавшим научного позитивизма, была вытеснена более чем на тысячу лет необоснованными измышлениями. Но именно им было суждено завоевывать особое доверие в период поздней Античности и Средневековья.

2. Пифагорейские и иудо-христианские инфернальные дистопии

Золото, как и грифоны, — неоднозначный символ: он может ассоциироваться как с утопией о восходящем солнце, так и с темными недрами земли и загробным миром. Истоки инфернальных представлений о Северо-Востоке мы находим в «Аримаспее» Аристея из Проконнеса, позднее они встречаются в начале V в. до н.э. у Эсхила [Прометей прикованный 805–806]. Река Плутон, фигурирующая в рассказе о скитаниях Ио по чудовищным пределам земли, — «прародитель» северного Ахерона. Изначально местонахождением Ахерона и огненных гор,

от которых река берет свое начало, считали Северо-Запад, но примерно в VIII в. до н.э. его стали мыслить на Северо-Востоке, по ту сторону от Врат и Алтарей Александра (Македонского), иными словами, за тем, что именовалось «ключом мира», отделяющим потусторонний мир от мира живых. Именно там Гог и Магог ожидают апокалипсис. Действительно, отождествление того, что мы ныне называем Сибирью, с земным Адом всегда опиралось на созвучие мифических и исторических имен: готы и Гог, татары и Тартар. И оно продолжалось целое тысячелетие, с поздней Античности и до русского завоевания Сибири.

2.1. Река подземного царства: от Плутона к северо-восточному Ахерону.

Дошедший до нас текст «Аримаспеи» Аристея, сохранившийся далеко не полностью, дает нам лишь отрывочные сведения о географии аримаспов. Тем не менее Эсхил связывает ее с золотой рекой, к которой, как предсказал Прометей (прикованный к одной из скал Кавказа), должна была прийти в результате своих долгих странствий Ио. Возлюбленная Зевса, превращенная в корову, оказалась отправленной разгневанной Герой на край света — сначала на север, восток и затем на юг. Пересекая Босфор (который получил от неё свое название «коровий брод»), направляясь к берегам Нила [Прометей прикованный: 790–815], Ио должна была достичь Черные поля Горгон, где живут Форкиды, «три старые девы, на вид как лебеди, но с одним глазом и одним зубом на всех; никогда не достигают их ни лучи солнца, ни свет луны» (794–797). И чтобы снова увидеть солнце в Египте, Ио должна была избежать встречи с грифонами и аримаспами (803–807):

ὄξυστόμους γὰρ Ζηνὸς ἀκραγεῖς
κύνας
γρῦλας φύλαξαι, τὸν τε μουνῶπλα
στρατὸν
ἼΑριμασπὸν ἰπλοβάμον', οἱ
χρυσόρρυτον
οἰκοῦσιν ἀμφὶ νᾶμα Πλούτωνος
πόρου·
τοῦτοισ σὺ μὴ πέλαζε.

Остерегайся грифонов, нелающих
Зевсовых,
Псов остроклювых, и одноглазой
армии всадников,
Аримаспов, живущих вдоль
берегов потока Плутона,
В котором течет золото.
Остерегайся их, не приближайся
к ним!

Птицеголовые грифоны и одноглазые аримаспы жили на берегах реки, название и приметы которой («*χρυσόρρυτον ... ἀμφὶ νᾶμα Πλούτωνος πόρου* / вдоль берегов потока Плутон, в котором течет золото») свидетельствуют о сокровищах этого края, столь богатого золотом: однако определить, восходила ли inferнальная география «Прометея Прикованного» к тексту Аристея, для нас не представляется возможным [Bolton 1999: 44–45, 64]. С другой стороны, уже установлено, что в пифагорейской постклассической традиции местонахождением Подземного царства, или по крайней мере одного из возможных входов в него, считали Север ойкумены: именно на эту традицию скорее всего и опирался Цицерон [Tusculanes 2.23], когда описывал Эсхила как пифагорейца.

Тем не менее, когда северное Подземное царство вновь появилось в текстах неоплатоников, оно оказалось уже «помещенным» на Северо-Запад. Символом его стала река Ахерон. Выбор такого названия, значение которого традиционно объясняется как «отсутствие радости»²⁴, отнюдь не удивляет, если вспомнить, что множество реальных рек, которые греки считали дорогами в Аид, носили то же имя²⁵. Одно из наиболее полных описаний северной страны мертвых, увиденной язычником, мы находим в «Орфической аргонавтике». В страну эту можно было попасть через Гиперборейский океан (который называли еще мостом Кроноса или Мертвым морем), вдоль которого проходили Рифейские горы (Альпы) [Vian 1987: 40]. Золотые воды Ахерона (*χρυσόροας Ἀχέρων*) позволяли наиболее праведным мужам, соседям долгожителей-макробиян

²⁴ См., например, в «Комментарии к “Энеиде”» Вергилия Мавра Сервия Гонората (на рус. языке: М.: Лабиринт, 2001): *Acheron fluvius dicitur inferorum, quasi sine gaudio* (6.107).

²⁵ Название «Ахерон» носили некоторые реки: в округе Теспотия области Эпира (Псевдо-Скилакx §30 ; Страбон 7.7.5; Плиний Старший 4.4), в Трифилии — южной части Элиды на Пелопоннесе (Страбон 8.3.15), близ Гераклеи Понтийской (современный Эрегли) (Аполлоний Родосский 2.743–745]. В Италии реки с подобным названием встречаются близ Кум и Лукании (Страбон 6.1.5, Плиний Старший 3.61, 73]. Даже в Египте недалеко от Мемфиса существовало Ахероново болото (Диодор Сицилийский 1.96.7).

(*Μακροβιοί*) — гомеровским абиям и гипербореям — безболезненно обрести смерть (1130–1142).

Эта северо-западная локализация Загробного царства характерна также и для христиан, потому что она позволяет объединить сразу два символа — холода и тьмы, связываемых с представлениями о Севере, и смерти, ассоциируемой с Западом. Действительно, со времен по крайней мере Святого Иеронима, толкователи Старого и Нового Завета соплагали огненный и ледяной Ад между собой: грешники, в Судный день оказавшиеся в Геенне (огненной), скрежетали зубами как от жары, так и холода [Еванг. от Луки 13:28; Св. Иероним. Комментарий к Иову 24; Комментарий к Евангелию от Матфея 10]. Первое упоминание inferнальной реки, протекающей на Севере к западу от Рая, встречается в христианскую эпоху в Апокалипсисе Павла (не позднее IV в.) (см.: [Kappler, Kappler R. 1997: 775–826; Jiroušková 2006; Bremmer, Czachesz 2007]). Как и другие апокрифические апокалипсисы, и несмотря на то, что его подлинность поставил под сомнение уже Святой Августин [Рассуждения на Евангелие от Иоанна. 98.8] и Созомен [Церковная история. 7.19.10], этот текст пользовался большим успехом и имел сложную рецептивную историю: с его рукописи было сделано множество списков и переводов на разные языки в ранние годы христианства и в Средние века. В полном латинском изводе парижской рукописи, хранящейся ныне в Национальной библиотеке Франции [BNF, N. acq. Lat. 1631] и датируемой IX веком, которую обычно называют *Visio sancti Pauli*, описывается, как Павел, будучи вознесен до третьего неба (источником послужило краткое упоминание о том, как он был «восхищен до третьего неба» во Втором Послании к Коринфянам, §12), лицезрел не только Рай с Ахерузийским озером и Элизий, четыре потока и Небесный Иерусалим (Видение св. Павла, §19–3), но и нечто, напоминающее Чистилище (§31), и в особенности огненный и ледяной Ад, расположенный на западе от Рая за космическим океаном (Видение св. Павла, 31b–43d) :

Et profectus sum cum angelo, et tulit me per occasum solis, et uidi principium celi fundatum super flu aque magno, et interrogau: Quis est hic fluuius aque? Et dixit mihi: Hic est oceanus qui circuit omnem terram. Et cum fluissem ad exteriora oceani, aspexi, et non erat lumen in illo loco, sed tenebre et tristicia <et> mesticia: et suspirau. Et uidi illic fluuium ignis feruentem ... Et uidi ad septentrionem locum uariarum et diuersarum penarum repletum uiris et mulieribus, et flumen igneum decurrebat in eum. Conspexi autem et uidi foueas in profundo ualde, et in eas animas plurimas in unum, et erat profunditas loci illius quasi tria milia cubitorum, et uidi eas gementes et flentes et dicentes: Miserere nobis, domine; et nemo misertus est eis.

И отправился я вслед за ангелом, и повел он меня туда, где заходит Солнце, и видел я, как небесная твердь покоилась на широком потоке воды, и я спросил ангела: «Что это за поток?» И отвечал мне он: «Это Океан, что омывает всю землю». И был я увлечен за Океан, где увидел, что нет там света, лишь тьма и печаль, и скорбь: и сокрушился я. И тогда увидел я реку, кипящую огнем... А на севере я увидел место различных наказаний, полное мужчин и женщин, именно там разливалась огненная река. Я внимательно наблюдал и заметил глубокие рвы, где скопилось множество душ; глубина их была почти в 3000 локтей, и видел я, <как души эти> стонали и плакали, говоря: «Господь, помилуй нас!» Но никто не жалел их...

То, что в полной латинской версии именовалось безымянной «адской» рекой, в краткой латинской версии (рукопись XIV в. хранится в Национальной библиотеке в Вене, [Nationalbibliothek ms. 362, f° 7v–8v]) именуется Коцитом (огненная река), но также еще и Стиксом, Флегетоном и Ахероном (не путать с Ахеронтовым озером, восходящим к диалогу Платона «Федона» (112e–114a), прототипом восточного Чистилища, окружающего Небесный Иерусалим²⁶). Это описание восходит скорее всего к «Энеиде» Вергилия. На сегодняшний день невозможно установить, упоминались ли эти реки в более ранней версии «Апокалипсиса Павла» (которая в таком случае могла бы включать в себя очерк загробной географии) или же упоминание этих рек есть лишь следствие изучения текстов

²⁶ Ср.: «*Et uidit ibi locum terribilem, et non erat lumen in illo, sed tenebre et mesticie et suspiria. Et nomen loci eius Cochiton; et alia tria flumina que confluunt secum Stix, Flegeton et Acheron. Et erant stillicidia super peccatores uelut mons igneus*» [Silverstein 1935: 153]. О роли Апокалипсиса Павла в формировании представлений о чистилище см.: [Le Goff 1981].

Вергилия античными и средневековыми грамматистами. В любом случае в «Апокалипсисе Павла» северный Ад — это пространство реальное, но вместе с тем и космическое, находящееся за пределами обитаемого мира, то есть за Океаном.

Адская река Ахерон, имеющая явную северо-восточную локализацию, встречается только в «Космографии» Этика Истрийского. В основу этого загадочного текста, который автором приписывался Святому Иерониму (хотя текст не мог появиться ранее VIII в.), был положен, в частности, Апокалипсис (Откровение) Павла, но также и Апокалипсис Псевдо-Мефодия [Herren 2011: xxxiii–lxxiii]. Появившийся в VII в. на сирийском языке в эпоху арабского завоевания Ближнего Востока и в скором времени переведенный на греческий, а затем и латинский языки, «Апокалипсис» Псевдо-Мефодия содержит ключевой элемент, позволивший поместить земной ад на Северо-Востоке ойкумены: согласно легенде, Александр Великий запер проклятые народы Гога и Магога за железными воротами [Reinink 1993: 24–25; Aerts, Kortekaas 1998:117–118]²⁷.

Таким образом, «Космография» Этика Истрийского содержит первое подробное описание Ада, который отныне обладает всеми земными характеристиками и находится на краю ойкумены, неподалеку от Леванта [§59]:

Et Acheron fluvius ultra ipsos montes Umerosus adserit fumantem et nebulosum et tam immenso fetore redentem ita, ut mane et declinante die ad uesperam in ipsis montibus nullus hominum accessus audeat atpropinquare, nisi tantum meridie quando raro radii solis percipiuntur. Tunc enim, inquit, strepitum undarum feruentium quasi in olla uel cacabo[m] cernentes contemplantur. Nam qui oderatum illius fumi postquam radius solis recesserit naribus uel ore senserit uel parum aliquid hauserit, deinceps

Он утверждает, что за горами Умерозы (Umerosus) испарение, исходящее от реки Ахерон, образуют облака, и что сама она испускает настолько страшное зловоние, что ни один человек не осмелится приблизиться к этим горам ни днем, ни ночью, но лишь в редкий полдень, когда их достигают лучи солнца. В это время, — говорит он, — внимательно прислушавшись, можно разобрать шум волн, похожий на бурление в котле или чане. Но если после захода солнца кто-то учует ноздрями или ртом

²⁷ О древнесирийских более ранних источниках легенды и о ее сирийско-арабской рецепции см.: [Donzel, Schmidt 2009: 16–17]. О греческой ее рецепции см.: [Alexander 1985].

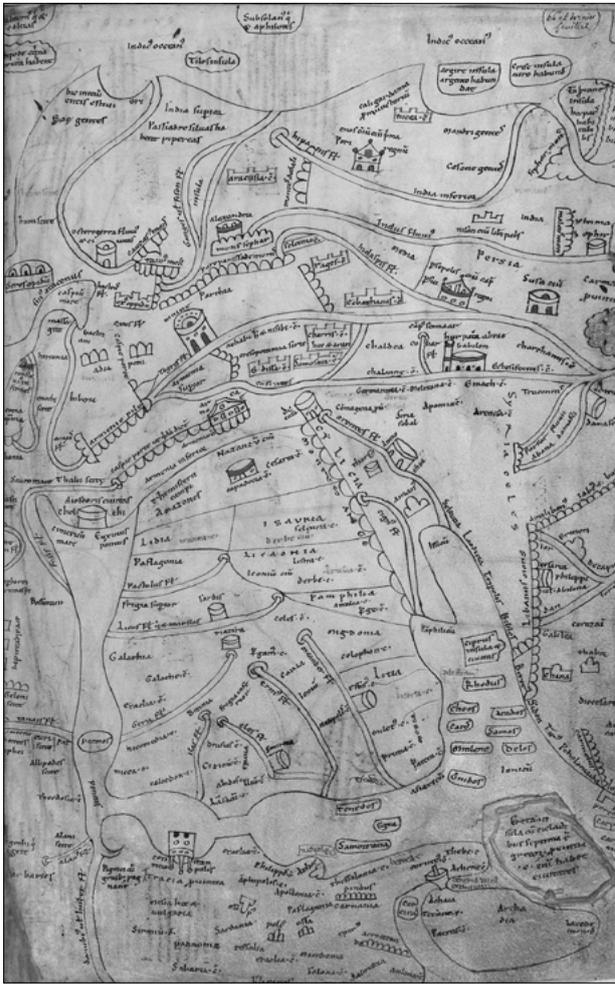
*a nullis medicis curare poterit, sed
magis ac magis crudeli morbo turgiscit.
.... Atroque devulsa aquilonis fora,
plaga horrenda, Umerosi Chormarces
capessunt Olchis Murrenos clemaxo
umbri, contenta Acheronis catasta.*

запах этих испарений и они войдут в него, то тогда не сможет его исцелить ни один лекарь, а жестокая болезнь будет всё больше и больше в нем развиваться... В сторону этого ужасного прибежища тьмы не дуют ветры Аквилона. Горы Умероза и Хормас вознесли реки Ольхис и Мурен (Дэлгэр-Мурен) на самую на вершину тьмы, заперев их в жаровне Ахерона.

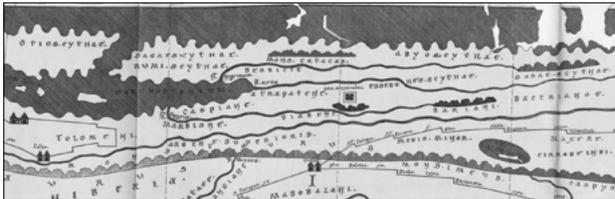
Несмотря на неясный язык и размытый смысл, «Космография» пользовалась относительным успехом в Средневековье. Скорее всего именно благодаря ей адский Ахерон Северо-Востока был зафиксирован на многих картах, в частности на картах мира Салвея, Эбсторфа и Херефорда (последний дословно процитировал птолемееву «Географию»), а также на карте, описанной в «Expositio maprae mundi» Йоркшира [Gautier Dalché 2001: 343–409]. Ахерон появляется также на карте 1 Турне (XIIe в., илл. 4) [BM Add. 10049 fol. 64r,] и на схожей с ней карте мира, которая начиная с IX в. находилась в монастыре Боббио (основанном ирландским святым) и стала известна нам благодаря описанию, также носящему название «Космография», — в рукописи, хранящейся в национальной библиотеке Неаполя (Biblioteca Nazionale IV.D.21, fol. 12v–20r; см.: [Gautier Dalché 2010: 1–22]²⁸). Таким образом, несмотря на то что первая подобного рода карта относится к V в., представление об Ахероне и, соответственно, inferнальных территориях Северо-Востока едва ли могло появиться ранее VIII в., когда под влиянием Этика Истрийского на карту была нанесена страна народов Гога и Магога.

На какие географические реалии опиралось представление о земном аде? Согласно «Космографии» Этика Истрийского (§67b) и другим, созданным на ее основе средневековым картам, воспоминания о стране аримаспов были живы и в Античности, и на протяжении всех Средних веков, когда грифоны оставались хранителями несметных богатств Севера. Реку

²⁸ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Патрика Готье Дальше за возможность познакомиться с этим текстом.

Илл. 4. Первая карта из списка сочинений Св. Иеронима (копия XII в. античной карты мира V в.).

Илл. 5. Пейтингерова скрижаль (Tabula Peutingeriana). XII в. С античного оригинала IV в.

Плутон заменил при этом Ахерон, который брал свое начало в горах Умерозы/*Umerosi* (Этик Истрийский §59а; у Херефорда — Умброз/*Umbrosi*) — безымянных горах, отмеченных на карте 1 Турне, и впадал в Океан севернее Каспийского моря. Течение Ахерона вполне могло соответствовать течению Волги: к тому же между Ахероном и древним названиям Волги *Rhâ/Oaros* можно обнаружить созвучие. Однако гипотеза эта не подтверждается ни одним текстовым источником. Но и горы Умерозы/Умброз соотнести с какой-либо географической точкой так же нелегко. Этик Истрийский связывает этот ороним с названием озера «Умар» (<h> *umar*), асфальтового озера²⁹, расположенного в южной части Скифии (§67). Оба названия имеют семитское происхождение (*ḥēmār* на иврите, арабское *ḥumar* означают «битум, асфальт») и отсылают к горючим свойствам битума, встречающегося как в озере Умар, так и в вулканического происхождения горах *Umerosi/Umbrosi*, являющих собой ворота в Ад. Можно было бы предположить, что речь здесь идет об Уральских горах. Однако активный вулканизм скорее сближает их с восточным Кавказом или же с сибирскими горными цепями, уходящими на восток к вулканическому полуострову Камчатка.

Не располагая достоверными источниками, которые бы позволили соотнести мифические названия с реально существующими топонимами, мы можем тем не менее реконструировать традицию их описания и таким образом найти географические прообразы реки Ахерон и близлежащих гор. В IV в. на Пейтингеровой скрижали появляется река Нигрин, название которой объясняется древней традицией обозначения на карте полярной ночи (упоминается у Аристия и Геродота: 4.13sq.). Эта впадающая в Гирканское море река (теоретически это могла быть Сырдарья/Яксарт, впадающая в Аральское море) протекает у подножия горы Катакас, обозначенной на карте красной меткой (илл. 5). Катакас — латинское наименование горы Аскатан/Аскатанкас/ *Askata(n)kas*, упомянутой Клавдием Птолемеем [География 6.13.1, 3; 6.14.13; Аммиан Марцеллин “*Ascanimia mons*” 23.6.60], напоминая нам

²⁹ Озеро Асфальтит — греческое название Мертвого моря, дно которого покрыто битумом (прим. ред. — Е.Д.).

Acheronis catasta (возвышенности Ахерона) Этика Истрийского (§59, см. выше). Однако если у Птолемея речь идет о районе Кашгара (китайский Туркестан), то на «Пейнтингеровой скрижали» и тем более в тексте Этика Истрийского говорится о более северной территории, находящейся где-то в Сибири. Эти подвижные, постоянно меняющиеся границы Дальнего Востока объясняются как отсутствием непосредственно знания территории, так и постоянными географическими перестановками на картах рек (пример тому — Танаис (Дон) и Гипанис (Кубань), которые нередко изображались как реки, берущие свое начало в Индии и впадающие в Азовское море), а также горных цепей (Кавказские горы–Памир–Гиндукуш–Гималаи — см. ниже) [Dan 2017: 165–222]. Таким образом, концы света, отмеченные Алтарями Александра, оказались перемещены с юга на север, и тем самым место освободилось для infernalной страны Гога и Магога, которой теперь было позволено существовать лишь за пределами ойкумены [Этик Истрийский, §32.7sq., 39].

2.2. На границах Загробного Мира

Если Ад находится на Земле, то возможно ли его найти? И, с другой стороны, существует ли способ навсегда преградить к нему вход?

2.2.1. Ключ Земли

На все той же первой карте Святого Иеронима (илл. 4) и на карте мира Херэфорда [§203] фигурирует река Клитерон. Однако ее существование не подтверждено ни одним текстом. Имя реки, конечно, же возникло из-за неверного прочтения « $\kappa\lambda\epsilon\iota\theta\rho\nu$ » («ключ от мира»), упомянутого в одном из текстов Плиния Старшего, а затем его популяризатором Гаем Юлием Солином. Оба автора ассоциируют эту реку с истоками Аквилона (Северного или Северо-Восточного ветра, скорее всего римского эквивалента Борея), а также с аримаспами, сражавшимися с грифонами, стражниками золота.

Плиний Старший 7.10

sed iuxta eos, qui sunt ad septentrionem versi, haut procul ab ipso aquilonis exortu specuque eius dicto, quem locum Gesclithron appellant, produntur Arimaspi, quos diximus, uno oculo in fronte media insignes. quibus adsidue bellum esse circa metalla cum grypis, ferarum volucris genere, quale vulgo traditur, eruente ex cuniculis aurum, mira cupiditate et feris custodientibus et Arimaspiis rapientibus, multi, sed maxime inlustres Herodotus et Aristaeas Proconnesius scribunt.

Итак, по соседству с теми, чей взор обращен на север, неподалеку от входа то, что именуется пещерой Северного ветра — места, которое называют у́йс кле́йфров, — проживают уже упомянутые аримаспы, славные тем, что единственный их глаз находится посередине лба. Они ведут постоянную войну за рудники с грифонами, обычно изображаемыми в виде крылатых зверей, которые добывают золото из подземных штолен и затем с остервенением и поразительной алчностью охраняют его, в то время как аримаспы пытаются его отобрать. Об этом пишут многие авторы и, в частности, знаменитые Геродот и Аристей из Проконнеса.

Solin 15.20–21

Arimaspi circa Gesclithron positi uniuicula gens est. Ultra hos et Riphaeum iugum regio est assiduis obsessa niuibus; Pterophoron dicunt, quippe casus continuantium pruinarum quiddam ibi exprimit simile pinnarum. Damnata pars mundi et a rerum natura in nubem aeternae caliginis mersa ipsisque prorsus aquilonis conceptaculis rigentissima. Sola terrarum non nouit uices temporum nec de caelo aliud accipit quam hiemem sempiternam.

Аримаспы, проживающие близ Гесклитрона, — одноглазый народ. За ними и за Рифейской горной цепью лежит область вечных снегов; ее называют Птерофорос из-за непрерывно идущего снега, который походит на крупные перья. Это проклятая часть земли, погруженная в облака вечного тумана, где даже источник Северного Ветра скован вечным льдом. Это единственное место на земле, которое не знает смены времен года и которому небеса не даруют ничего, кроме вечной зимы.

Таким образом, «ключ мира» — это космическая ось, граница между миром, населенным людьми, живущими во власти грозного Борея/Аквилона, ветра Севера и Севера-Востока, — и землями, находящимися по ту сторону Рифейских гор, где живут гипербореи [Lindegger 1979: 63–64, n. 14–16]³⁰. На побере-

³⁰ Исследователь также предполагает упоминание «ключа» у Аристеев и интерпретирует его как «Luftröhre / Atemweg der Erde»

жье Океана, на реке Клитерон, этот ключ — суть «морские врата» (*pilas maris gyrantis*), расположенные на месте зарождения самого страшного Северного Ветра (Аквилона, *ibera Aquilonis*) и не позволяющие Океану выходить из своих берегов, как то утверждает Этик Истрийский [Космография §23, 40, 60]. Об этом же пишет и Псевдо-Каллисфен в «Истории Александра Великого» (β 3.29) и Псевдо-Мефодий в своем «Откровении» (8.7). К тому же с наступлением лета ключ мог ассоциироваться с вратами дня и ночи, через которые каждое утро проходит Солнце, возвращаясь из другого мира. Это отвечает представлению о связи нашего мира с миром подземным (то есть верхнего земного полушария с нижним, полушарием мертвых), бытовавшему начиная с Античности и встречающемуся уже у Псевдо-Платона [Axiochos. 371b]. Однако недвусмысленное указание на ворота в Подземный мир появляется лишь в IV в., в гимне, посвященном Гекате–Селене–Изиде–Луне, охраняющей вход в Тартар: « ἐν ἧ | τὸ κλειθρον ἠνέφυε Ταρτάρου » [Bortolani 2016: 243–279].

Найти реальное соответствие реке Клитерон, конечно же, довольно трудно. На **карте 1** Турне она помещена между Фазисом и Танаисом (которые обыкновенно отождествляют с грузинской рекой Риони и соответственно Доном). И хотя картограф никак не отметил Азовское море и отправил Клитерон впадать прямо в Океан, геометрия его русла позволяет предположить, что Клитерон — это Кубань (ранее — Гипанис), протекающая у северо-восточных границ греко-римского мира, подле устья которой ахемениды (еще до Александра Великого) оставили надпись, маркировавшую, вероятнее всего, границу их земель³¹. Что же касается Александрова алтаря, воображаемого святилища, расположенного на границе эллинистического, то есть цивилизованного, мира, то на картах оно появилось

(«воздушная труба / дыхательный путь земли» (нем.)) [Dan 2017: 2.1.4.d].

³¹ Это наша собственная интерпретация фрагментов записи, недавно обнаруженной в п. Сенном (обычно отождествляемом с Фанагорией), которая впервые была опубликована в работе: [Кузнецов, Никитин 2017: 154–159]. О разных определениях местоположения Ворот Александра Македонского см.: [Anderson 1959: 5–39].

на месте впадения Танаиса (Дона) в Меотийское озеро (*Palus Maeotis*, Азовское море) в римскую эпоху начиная с Птолемея [География. 3.5.12] и в особенности начиная с поздней Античности — с текстов Орозия (1.2). Традиция эта сохранялась и у средневековых картографов (в частности, на Эбсторфской карте и I Псалтырной карте [Pfister 1959: 5–39]). Однако историку подобная северная локализация Алтаря покажется мало вероятной, поскольку Александр Великий мог воздвигнуть Алтарь, указующий на достижение им края света, лишь на Крайнем Востоке. Так, Диодор Сицилийский (17.93–95) упоминает алтарь, который Александр воздвиг в честь двенадцати богов Олимпа на Гифасисе/Виазе, прежде чем вернуться обратно на запад, тогда как Плиний Старший [6.49, 110; ср.: Солин 52.6–7] помещает этот алтарь рядом с Яксартом-Танаисом. Таким образом мы имеем дело с «умножением» Александровых алтарей, причиной которого можно назвать омонимию, а точнее отождествление притока Инда, Гифасиса/Гипазиса (современного Биаса/Беаса), с Гипанисом, протекающим на севере Кавказа, или же Танаиса-Яксарта с Танаисом-Доном.

2.2.2. Ворота Александра

Между восточным и северным Алтарями историки, а вслед за ними и писатели поместили целую череду «ворот», «осей», «ключей земли» — то есть закрытых проходов, скрывавших и защищавших цивилизованный мир от вторжений варваров, подобно тому как «морские врата» (порты) отрезали цивилизованный мир от Океана. За этими вратами проживали дикие, прямо-таки чудовищные народы, неподвластные самому Александру [Плиний Старший 7.11; Дионисий Периегет 1034–1041], носившие в иудейско-христианской традиции имена Гога и Магога (см. далее). Однако если в «Космографии» Этика Истрийского местонахождением Ворот Александра Македонского считается с некоторой долей натяжки территория близ Северного Ветра, то античные историки дают указание на три возможные географические точки, которые могли быть тем, что условно (а возможно, и безусловно) называется «Каспийскими вратами». Так, согласно воссозданному маршруту Александра Великого, Каспийские врата получили

свое название от Каспийских гор (то есть Кавказских) и находились они в области Рей, недалеко от Тегерана [Исидор Харакский. Парфянские стоянки §7; Плиний Старший 6.43; Арриан. Анабасис Александра 3.19.2] (см.: [Standish 1970: 12–24]). Тем не менее в I в., во время экспедиции Корбулона, посланного Нероном на Кавказ, римляне попытались повторить путь Александра Великого, но не смогли при этом достичь тех отдаленных северо-восточных регионов, до которых дошел Александр. Согласно Плинию Старшему (6.30, 40–45, 76), «Кавказские врата», бывшие переправой через нынешнюю Дарью близ Тбилиси, назывались тогда «Каспийскими вратами». Это обозначение, встречающееся даже в донесениях победителей, стало общим местом римской историографии³². Память Александра вновь оживил византийский император Иракий, современник Хосрова I Ануширвана (531–579), воздвигший оборонительные стены Дербента подле Каспийского моря: их первое отождествление с «Каспийскими вратами» встречается в «Хронике Фредегара» (IV.66 p. 153) и далее у Феофана Исповедника (316, 1 de Boor) и в «Пантеоне» Готфрида Витербского (22.28). Косвенным доказательством этой «эволюции» является то, что Птолемей в своей «Географии» счел необходимым провести различие между Каспийским Пилаем / *Caspiæ Pylae* (5.9.15) Дарьи — и Албанским Пилаем / *Albanoa pylæi* (5.12.6) Дербента. В эпоху поздней Античности, когда стремление обнаружить точное местоположение Каспийских Ворот и соответственно воскресить память о завоеваниях Александра уже потеряло свою злободневность, различные локализации ворот попросту оставались отмеченными на картах. Главной целью отныне стала картография, поддерживаемая эсхатологией: обозначить местоположение народов Гога и Магога между крайним Севером и крайним Востоком.

³² Встречается в «Анналах» Тацита (6.33: *Caspia via*); «Жизни двадцати цезарей» Светония («Нерон»: 19.2), «Иудейских войнах» Иосифа Флавия (7.7.4) и др. См. также карту 1 Турне и карту Херефорда [§218]. Более полный список см.: [Anderson 1928]; о сложности толкования подобного рода текстов см.: [Bosworth 1983].

2.3. Гог и Магог

Ни одно описание потустороннего мифического мира Сибири, каким бы кратким оно ни было, не обходится без упоминания географии Гога и Магога: в отличие от абиев или ари-маспов, чье местонахождение на территории Алтая и Сибири постоянно подвергалось сомнению, Гог и Магог, как и другие исторические народы, часто с ними ассоциируемые, несомненно проживали за пределами Кавказа, в Сибири. Действительно, история этих страшных народов является отличным примером той роли, которую трансфер знаний и верований играет в создании виртуальной карты мира в период, предшествовавший непосредственному открытию и освоению территорий. Эта история проходила в два этапа: *первый* — этап пространственной мифологизации, когда Гог и Магог были всего лишь именами, мифами на северных границах того мира, центром которого был Иерусалим; *второй* этап — это интерпретация и их историзация, когда Гогу и Магогу было приписано реальное существование. В эпоху императорского Рима эти два представления словно накладываются одно на другое: одни комментаторы в это время придерживаются описательного толкования библейского послания, тогда как другие стремятся наполнить его историческим смыслом.

2.3.1. Гог и Магог — дикари на северных границах мира

Имена Гог и Магог впервые встречаются в библейской книге Бытия (10: 2), в перечислении всех народов, в то время существовавших. Эта первая ментальная карта мира представляет собой «Таблицу народов» — генеалогию сыновей Ноя, переживших Потоп. Среди потомков третьего сына Ноя Иафеты мы встречаем Гомера (которого обычно считают мифическим предком киммерийцев или каппадокийцев [Ivanchik 1993: 130–131]) и Магога (его народ должен был проживать по соседству от древнего Гомера, то есть на юге Кавказа). Данная географическая локализация традиционно опирается на греческие и армянские источники, которые дают представление о возможном генезисе «Таблицы народов»: так, Страбон (11.14.5) помещает страну Гогарен (Гугарк) на севере Мидии между иберами, ха-

либами и моссинойками (« Γωγαρηνήν, πέραν οὐσαν τοῦ Κύρου, Χαλύβων δὲ καὶ Μοσυνοίκων »); об этом же говорит Стефан Византийский в своей эпитоме, в которой Гогарен описывается как небольшая страна между колхами и иберами (Γωγαρηνή, χωρίον μετὰξὺ Κόλχων καὶ Ἰβήρων τῶν ἀνατολικῶν). Топоним Гугарк имеет явно кавказское происхождение: так назывался северный ашхар (провинция) Великой Армении [Ananyas de Şirak, *Aşxarhacòyc* V.22 Hewsen]. Параллельно ороним и топоним Гог встречаются на Кавказе в провинции Тайк, где протекает река Кир. Их упоминания можно проследить в текстах начиная с «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (2.6, 8, 3.60) и вплоть до травелогов путешественников XVIII–XIX вв. [Anderson 1928: 5–7; Вое 2001: 208–210; Donzel, Schmidt 2009: 3–4]. Можно предположить, что настоящее название кавказского региона было уже известно автору книги Бытия из греческих и семитских источников; и если этот топоним не сформировал этноним Магог (который в равной степени мог быть производным от собирательного имени, означающего, например, тьму Севера и эсхатологическую опасность, от него исходящую), он тем не менее мог повлиять на его библейскую историю и ее экзегетику.

Местоположение Магога на Севере подтверждается книгой Иезекииля (38–39), в которой упоминается Гог, предводитель страны Магог, расположенной недалеко от Гомера [Tooman 2011]. Благодаря этому упоминанию Иезекииль становится одним из библейских пророков, предвещающих приход великого врага израильского с Севера земли [Книга Иеремии 1:14–16; 4–6] (ср.: [Книга пророка Исаии 13; Книга пророка Иоиля 2:20]). Именно на этом пророчестве основывается и вся последующая традиция, в особенности Откровение Иоанна Богослова (20.7–8), в котором «народы с четырех сторон света» все обозначены именем «Гог и Магог» (ἔθνη τὰ ἐν ταῖς τέσσαρσιν γωνίαις τῆς γῆς, τὸν Γῶγ καὶ Μαῦγῶγ), словно все остальные народы, упомянутые ранее в пророчестве Иезекииля, были забыты в пользу этих мистических имен. Действительно, даже в те времена, когда исторические интерпретации этих этнонимов становятся доминирующими, некоторые комментаторы Ветхого Завета толковали их как Врагов-варваров, чье пришествие ожидается с Севера, то есть со всех концов света. Дабы ограничиться примером из

латинских источников конца IV — начала V в., вспомним тексты Святого Августина, который оспаривает их отождествление с гетами и массагетами [О Граде божьем 20.11], или Святого Иеронима, который подвергает сомнению их возможное отождествление с готами [Еврейские вопросы на Книгу Бытия 10.2]³³.

Важным моментом в истории Гога и Магога стало их отнесение Александром Великим к числу народов, живущих за Каспийскими Вратами на Великом Севере/Северо-Востоке. Наиболее раннее из сохранившихся упоминаний этих народов встречается у Псевдо-Каллисфена [История Александра Македонского. 3.26] во II–III вв. н.э.³⁴ Его перечень варварских племен встречается затем в сирийских текстах, в том числе он фигурирует в «Откровении» Мефодия Патарского» (Псевдо-Мефодия) [8.10] (см. выше). Позже латинский перевод Псевдо-Мефодия послужил источником «Космографии» Этика Истрийского, благодаря которой Гог и Магог нашли свое место в средневековой картографии, будучи помещены в область «Худшего из Северных / Северо-Восточных ветров», далеко не всегда исторически идентифицируемую. Именно это и объясняет присутствие народов Гога и Магога в северо-восточной части мира на карте 1 Турне (илл. 4), в «Кодексе Коттониана» (илл. 6), на картах мира Эбсторфа (илл. 7) и Херефорда (илл. 8), в Каталонском атласе и даже на ватиканской карте Борджиа из Ватикана, составленной в XV в.

Параллельно этой мифической христианской географии существует и другая традиция, восходящая к тексту Ветхого Завета, в соответствии с которой Десять потерянных колен Израиля отождествляются с северными народами, живущими за пределами Александровой стены, и в том числе с Гогом и Магогом. Легенда, описанная во второй книге Царств [17: 23–41], имеет историческую основу — изгнание самаритян Саргоном II, правителем Ассирии. Однако последующее отождествление десяти колен с Гогом и Магогом было лишь следствием средневекового антисемитизма: в X в. ат-Табари в своей «Истории

³³ Русское издание см.: [Иероним Стридонский 2009].

³⁴ О генезисе «Истории Александра Великого» и ее переводах см.: [Pfister 1946: 29–66; Nawotka 2017].

Илл. 6. Англо-саксонская карта мира из «Кодекса Коттониана» (Cottoniana), прямоугольная карта, изображающая ойкумену. XI в.

Илл. 7. Факсимиле Эбсторфской карты, самой большой по размерам карты мира XIII в. Погибла во время бомбардировки Ганновера в 1943 г. Реконструкция Г. Куглера (Kugler H. (Hg.). Die Ebstorfer Weltkarte I Atlas. Berlin, 2007)

Илл. 8. Херефордская карта мира (ок. 1300). Хранится в Англии в Херефордском соборе

пророков и царей» (ч. 1, гл. 112) помещает десять колен за Воротами Александра; в XIII в. доминиканец Гуго Рипелин из Страсбурга в своем схоластическом трактате подхватывает этот тезис, смешивая угрозу, исходящую от народов Севера, с угрозой, исходящей от евреев :

Compendium Theologicae Veritatis 7.10

Gog et Magog, decem tribus ultra montes Caspios clausae, tamen ita quod bene possent exire si permitterentur, sed non permittuntur a regina Amazonum, sub cuius regno et ditione vivunt. Has dicunt Judei ab fine saeculi exituras et venturas in Hierusalem et cum suo Messya ecclesiam exstructuras. Alii dicunt, quod per Gog et Magog intellegitur exercitus Antichristi, qui in fine saeculi veniet ecclesiam expugnare.

Гог и Магог, Десять колен, запертых за Каспийскими горами, вполне могли бы покинуть место своего обитания, если бы имели на то позволение, однако царица амазонок, под властью которой они находились, им это позволение не дала. Евреи говорят, что эти племена покинут свои земли и придут в Иерусалим в конце времен и возведут собственный храм со своим Мессией. Другие говорят, что под народами Гог и Магог понимается армия Антихриста, которая будет угрожать Церкви в конце всех времен.

Несмотря на исторические и телеологические расхождения, две различные эсхатологические традиции, иудейская и христианская, сходятся в изображении Северо-Востока как потусторонней земли, возвещающей о конце света и конце всех времен, откуда являются все монстры позднеантичной и средневековой истории.

2.3.2. Гог и Магог и исторические народы Северной Азии

Если страна Магог находилась на Севере близ Гомера, то народ Магога мог относиться только к иранским степным кочевникам: в I в. до н.э., во времена, когда престиж Александровых врат был достаточно велик в Риме, что и позволило, как мы уже говорили выше, «переместить» Каспийские Врата в район Кавказа, греческий историк еврейского происхождения Иосиф Флавий, чьи труды дошли до нашего времени, становится первым автором, кто предложил в своих трудах («Иудейские древ-

ности» и «Иудейская война») идентифицировать Магога со скифами. И он же указал на опасность кочевья скифского племени аланов в сторону Каспийских Врат. Мысль эту подхватили Иосиппон бен-Горион (лже-Иосиф) и Биньямин из Туделы (вторая половина XII в.) [Donzel, Schmidt 2009: 10–12]. После того, как Магога стали предположительно отождествлять с врагами Израиля, путь был открыт и для дальнейшей идентификации Магога с мигрирующими народами, которые и предопределили конец Римской Империи: впрочем, начиная с середины III в. апокалипсическая угроза со стороны Гога словно материализовалась в нашествии готов³⁵. Созвучие имен (Ма)Гог-Гот обеспечивало успех этой гипотезе по крайней мере вплоть до XII в., когда Готфрид Витербский [Пантеон 27.1] продемонстрировал несовместимость данных двух версий: германо-тевтонского происхождения готов и их родства с библейским Магогом, сыном Иафета.

Впоследствии многие другие буйные нашествия варваров с северо-востока напомнят Востоку и христианскому Западу об угрозе, о которой возвещал Ветхий Завет: в конце IV в. Святой Иероним [Письма 77.8] будет ассоциировать Гога и Магога с гуннами. Подобную же версию излагают в VII в. Исидор Севильский [Этимологии 9.2.66, 67], а также «Сирийская легенда об Александре» и Псевдо-Ефрем Сирийский в «Слове на Пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово» [Donzel, Schmidt 2009: 25–26]. Традиция эта сохраняется вплоть до XIII в., подхваченная Гервасием Тильберийским в его «Императорских досуках» (*Otia imperialia*, 1212). Однако на определенном этапе в качестве «конкурентов» в отношении гуннов стали выступать хазары, захватившие Кавказ в VII и VIII вв.: сирийские и грузинские источники называют их сыновьями Магога [Donzel, Schmidt 2009: 22sq, 44 sq]. История эта имела еще один неожиданный поворот, когда Гогом и Магогом в IX–X вв. оказались венгры («Письмо о происхождении венгров» Реми д'Оксерра)

³⁵ Ср. в трактате Св. Амвросия Медиоланского «О вере»: *Gog iste Gothus est* [2.16, 495, 138 PL 16, 611–612]. См. также «Четырнадцать книг толкований на пророка Иезекииля» Иеронима Блаженного, Стридонского (кн. 11) и «Историю готов, вандалов и свевов» (1057–1082) Исидора Севильского и др.

[*Patrologia Latina* 131, 963–968]. Эта же версия поддержана была в «Венгерской хронике» XV в. Йоханнеса де Туроча.

Что касается Апокалипсиса Псевдо-Мефодия и других апокалипсических текстов, написанных в период распространения ислама, то в них Гог и Магог прежде всего отождествляются с арабами [Donzel, Schmidt 2009: 26]. Однако в Средние века главный страх Запада перед угрозой Гога и Магога был связан прежде всего с турками: «Космография» Этика Истрийского (§32, 39), послужившая источником Эбсторфской карты и карты Херефорда, а также и некоторые редакции письма пресвитера Иоанна к императору Византии Мануилу I Комнину (хорошо известные на латинском западе и во многом определившие средневековую картографию; см.: [Brunet 1877; Wagner 2000; Brewer, Prester John 2015]), являются главными источниками этого апокалипсического образа турок. И образ этот может сравниться лишь с татарами. Жестокие завоеватели северо-восточной Европы воспринимаются в это время не только как потомки Гога и Магога, что подтверждается созвучием: монголы>магоголы (об этом писали Марко Поло и Жан Жуанвиль, биограф Людовика IX). Генеалогия татар возводится теперь к Десяти потерянными коленам Израиля (см., например, «Большие хроники» /«*Chronica Majora*» Матвея Парижского и «Книгу странствий» (по Святой Земле) Рикольдо да Монтекроче). Разумеется, эта генеалогия не имеет исторических оснований: она является следствием анти-семитского отождествления Десяти колен с Гогом и Магогом и, в более общем смысле, опирается на представление о том, что наихудшее обязательно должно прийти со стороны Тартарии (Тартарии) — страны, чье название само по себе указывает на inferнальное свое происхождение.

**Вместо заключения: реальное и воображаемое
в образах сибирского Рая и Ада.**

Начиная с гомеровых «добрых дикарей», но также и жителей Тартара, в античной традиции Северо-Восток ойкумены всегда предстает как «чужой» мир — будь то лучший или худший. Та слабая рецепция, которую на протяжении веков имела «География» Птолемея, не смогла остановить распространение

фантазийных представлений об этой части Азии. О чем же говорят эти фантастические образы? Что могут сообщить нам они о Сибири и Западном мире (Средиземноморье и Европе), повествуя о ней, но ее не зная?

Нам важно подчеркнуть, что, несмотря на явно преувеличенный характер этих представлений, на некоторых территориях и в отдельные эпохи не прямые контакты жителей Средиземноморья и побережья Черного моря с кочевниками из этих отдаленных регионов все же имели место. Евразийская часть северной степи всегда служила своего рода коридором, в котором встречались и пересекались между собой народы и знания [Parzinger 2006; Parzinger 2008: 7–15; Chernykh 2008: 36–53]. Согласно распространенной среди современных археологов теории, в IV–III тысячелетиях до н.э. сходство ямной культуры севера Причерноморья с культурой шнуровой керамики на севере Европы, с одной стороны, и с афанасьевской культурой на юге Сибири, с другой, может быть объяснена кочеванием популяций в северной степи, способствовавшим, вероятнее всего, распространению некоторых индо-европейских языков³⁶. Во II тысячелетии до н.э. продолжается миграция из Восточной Европы в сторону Алтая носителей абашевской культуры (живущих на Волге) и синташтинской культуры (территория Урала), а также срубной (северные регионы Черного и Каспийского морей) и андроновской (Сибирь) культур [Koryakova, Epimakhov 2007]. В обратную же сторону, от Алтая к Северной Европе, начинает, кажется, распространяться сейминско-турбинский межкультурный феномен³⁷. Конечно, велик соблазн сопоставить гипотетические перемещения этих культур — представление о них дают нам археометрические и генетические исследования — с

³⁶ Тезисы Марии Гимбутас были подвергнуты генетической проверке: [Keyser 2009: 395–441; Naak 2015: 207–211]. При этом следует заметить, насколько важным является осторожный подход к лингвистической и, особенно, этнической идентификации индивидов и групп, перемещения которых изучают исследователи [Francfort 2001: 151–168].

³⁷ Сейминско-турбинский межкультурный (транскультурный) феномен — термин в археологии, которым определяют резкие изменения в материальной культуре лесостепной полосы Евразии в середине II тысячелетия до н.э. [Marchenko 2017: 1381–1397].

греческими легендами о переселении киммерийцев и скифов. Связь эта ничем не подтверждается, и все же эти два источника наших знаний, археологические и литературные, совпадают в одном: перемещения и контакты на пространстве Евразийской степи были делом относительно несложным, особенно в периоды, когда природные или исторические факторы этому не препятствовали.

Этот северный коридор объясняет те удивительные познания о Севере Азии, которыми в отдельные периоды своей истории обладали греки, римляне, а также люди в эпоху Средневековья. Эти дошедшие до нас сведения во многом определялись тем, насколько могущественный Запад видел в них подтверждение своего собственного видения мира. Нет никаких сомнений в том, что такие завоевания, как, например, Александра Великого и его последователей, существенно дополнили познания об Азии. Они также способствовали пересмотру уже имевшихся знаний, отвечавшим стремлению Запада продемонстрировать свою власть — как в случае с абиями Гомера, местом обитания которых определили северо-восток Азии. Однако эти походы повлекли за собой также и забвение того, что не отвечало интересам полководца. Отличным примером того, как географические сведения передавались с Востока на Запад и даже дошли до нас, в том случае, конечно, если ими намеренно не манипулировали в политических целях, служит Каспийское море, справедливо описанное как закрытое (в отличие от позднейшего описания моря Гирканского³⁸) в эпоху, предшествовавшую за-

³⁸ Геродот [1.200sq., 4.40] прекрасно знал, что Каспийское море — закрытое море; но у него оставалось подозрение о его северном происхождении. Считается, что в 323 г. до Р.Х. Александр Македонский отправил Гераклеидеса проверить, не соединяется ли Каспийское море с Океаном [Aristoboulos, *FGrHist* 139 F54 ap.; Арриан. Анабасис Александра. 7.16.1–2]. Его донесения были известны Патроклосу, который в свою очередь по приказу Селевка I Никатора и Антиоха I должен был в 285/284 гг. до Р.Х. объехать кругом это море (об этом писали Страбон (2.1.17) и Плиний Старший (6.58, 2.67). Именно Патроклес, как сообщал Страбон, заявил, что Каспийское море есть залив Океана [Страбон. 11.11.6]. Эратосфен способствовал распространению этих сведений и, возможно, внес их в свою «Географию». Таким образом, несмотря на то, что Птолемей в своей «Географии» (6.9–14, 8.23) вернулся к геродотовой мо-

воеваниям Александра Великого, а затем еще в эпоху Римской империи, в текстах Геродота и Клавдия Птолея.

Какие же достоверные сведения о Сибири доходили до берегов Средиземного моря во времена, предшествовавшие экспедициям XVII–XVIII вв.³⁹? Помимо очевидных сведений, общих для культур всех кочевых степных народов и потому легко реконструируемых, можно было бы выделить рассказы о ледяном холоде и о некоторых этнических практиках. Способ циркуляции этих сведений проливает свет на общие закономерности трансляции географических и этнографических знаний, а также на ее историю. Так, те представления, о которых только что шла речь, восходят к наиболее древним источникам, и последующие времена не внесли в них никаких изменений, скорее наоборот. Из чего можно сделать вывод, что в истории открытия мира Западом какой-либо линейный прогресс отсутствует. Более ранние достоверные данные могут при этом в течение нескольких веков пересматриваться и мифологизироваться: так обстоит дело с образом снега, падающего в виде «перьев», который встречается у Геродота [4.7, 31], а возможно, и у самого Аристеев из Прокопеса [Treidler 1959 : 1499–1501 ; Lindegger 1979: 63]⁴⁰. Позднее эту информацию как достоверную сообщают Плиний Старший [4.88–89] и Солин [16–17], используя при том топоним *Pterophoros*. Так «область, именуемая Птерофорос» (от: «πτερόν» = «перо» и «φέρ- / фор-» = «носить»), «получившая свое название из-за беспрерывно идущего снега, похожего на перья» // *...adsiduo niuis casu pinnarum similitudine Pterophoros appellata regio...*, становится,

дели закрытого моря, большинство последующих географических карт досовременной эпохи следовали модели Эратосфена и, соответственно, изображали Каспийское море неправильно — как залив. Сходным образом можно указать, что уже источники, которыми пользовался Аристотель [Метеорологика 2.1.10, 354a1–5], проводили различие между Каспийским и Гирканским морем: под последним могло подразумеваться еще и Аральское море.

³⁹ О российском открытии и завоевании Сибири см.: [Forsyth 1992; Witzernath 2007; Naumov 2006; Wood 2011]. Об истории картографии см.: [Goldenberg 2007: 1852–1903; Kivelson 2006].

⁴⁰ В своей работе Трейдлер пытается восстановить форму, восходящую, несомненно, к Аристеев и принадлежащую к китайской группе топонимов.

возможно, первым образом Сибири в самом широком смысле — Сибири как северо-восточной части мира.

Бритоголовые аргиппеи, живущие у так называемого понтийского дерева, о которых пишет Геродот, напоминают тюрко-монгольских кочевников в юртах на севере Центральной Азии (4.23):

Μέχρι μὲν δὴ τῆς τούτων τῶν Σκυθῶν χώρας ἐστὶ ἡ καταλεχθεῖσα πᾶσα πεδιάς τε γῆ καὶ βαθύγαιος, τὸ δ' ἀπὸ τούτου λιθώδης τ' ἐστὶ καὶ τρηχέα. Διεξεληθόντι δὲ καὶ τῆς τρηχῆς χώρον πολλὸν οἰκέουσι ὑπὲρ ἴν ὁρέων ὑψηλῶν ἄνθρωποι λεγόμενοι εἶναι πάντες φαλακροὶ ἐκ γενετῆς γινόμενοι, καὶ ἔρσενες καὶ θήλειαι ὁμοίως, καὶ σιμοὶ καὶ γένεια ἔχοντες μεγάλα, φωνὴν δὲ ἰδίην ἰέντες, ἐσθῆτι δὲ χρεώμενοι Σκυθικῇ, ζῶντες δὲ ἀπὸ δεινῶν. Ποντικὸν μὲν οὖνομα τῷ δεινῶν ἀπ' οὗ ζῶουσι, μέγαθος δὲ κατὰ συκῆν μάλιστα κη· καρπὸν δὲ φορέει κυάμφ ἴσον, πυρῆνα δὲ ἔχει. Τοῦτο ἐπεὶ γένηται πέπον, σακκέουσι ἱματίοισι, ἀπορρέει δὲ ἀπ' αὐτοῦ παχὺ καὶ μέλαν, οὖνομα δὲ τῷ ἀπορρέοντι ἐστὶ ἄσχυ· τοῦτο καὶ λείχουσι καὶ γάλακτι συμμίσγοντες πίνουσι, καὶ ἀπὸ τῆς παχύτητος αὐτοῦ τῆς τρυγῆς παλάθας συντιθεῖσι καὶ ταύτας σιτέονται· πρόβατα γάρ σφι οὐ πολλά ἐστί· οὐ γάρ τι σπουδαῖαι αἱ νομαὶ αὐτόθι εἰσὶ. Ὑπὸ δεινῶν δὲ ἕκαστος κατοίκεται, τὸν μὲν χειμῶνα ἐπεὶ τὸ δένδρον περικαλύψῃ πύλω στεγνῶ λευκῶ, τὸ δὲ θέρος ἄνευ πύλου. Τούτους οὐδεὶς ἀδικεῖ ἀνθρώπων (ἱροὶ γὰρ λέγονται εἶναι), οὐδέ τι ἀρῆιον ὄπλον ἐκτέεται· καὶ τοῦτο μὲν τοῖσι περιοικέουσι οὐτοῖ εἰσι οἱ τὰς διαφορὰς διαίροντες, τοῦτο δέ, ὅς ἂν φεύγων καταφύγῃ ἐς τούτους, ὑπ' οὐδενὸς ἀδικεῖται. Οὖνομα δὲ σφί ἐστὶ Ἀργιππαῖοι.

Вплоть до территории, заселенной этими скифами, вся описанная выше земля представляет плодородную равнину; дальше она становится каменной и покрытой скалами. Преодолев через эти скалы немалый путь, можно попасть к людям, живущим у подножия высоких гор, которые, как считается, рождаются лысыми, как мужчины, так и женщины; и все они курносые и имеют широкие подбородки. Говорят они на своем языке, но одеваются по-скифски. Пропитание себе они находят на деревьях. Дерево, плодами которого они питаются, называется *понтик*: по высоте он сравним со смоквицей; плоды его размером с фасоль, а внутри у них косточка. Когда этот плод созревает, они растирают его через ткань; и тогда из него вытекает густой и черный сок, этот напиток называется *«асхи»*. Они его слизывают или выпивают, смешивая с молоком; из оставшейся гущи они готовят лепешки и питаются ими. Скота же у них немного, потому что на той земле плохие пастбища. Каждый живет под деревом; зимой дерево обматывают тканью из белого войлока, летом же оставляют без покрытия. Никто не обижает этот народ, так как он считается святым, и у них даже нет никакого оружия. Так, они служат судьями в спорах между соседями, а любому скрывающемуся беглецу они дадут убежище и никто не посмеет его обидеть. Этот народ зовется — аргиппеи.

С рождения отмеченный естественным признаком своей этнической принадлежности, этот лысый народ, священные люди Севера, предстает в качестве монофага, вся жизнь которого строится вокруг этого мистического дерева, растущего на их каменистой почве, к северу от будинов, по ту сторону семидневной пустыни, за фиссагетами⁴¹, за промышленяющими конной охотой иирками⁴² и другими «отделившимися» / « ἀποστάντες » от остальных народов скифами [Corcella 2001: 250–251]. Это перечисление этнонимов народов, живущих севернее скифов северо-понтийской степи, не является следствием реального путешествия по этим землям — это, без сомнения, компиляция самого Геродота или тех разнообразных источников, на которые он опирался. Источники эти, по-видимому, содержали обрывки сведений о путях миграции и транс-каспийского и транс-уральского культурного обмена, пространством которого вполне возможно был и Алтай [Sinor 1990; Bourgeois 2000]. Тем не менее следует соблюдать осторожность и признать маловероятным то, что Геродот описал здесь тот самый «бронзовый» (золотой) путь, который вел от Алтая или Урала до Черного моря [Членова 1983: 47–66; Leypunskaya 2007: 121–133]. В таком случае это предполагаемое путешествие не дает нам оснований идентифицировать народы, представленные в тексте Геродота, с обнаруженными на этой территории археологическими культурами. Если и нельзя отрицать тот факт, что относительно точная информация об этих народах могла прийти

⁴¹ Другие литературные источники, в которых встречается упоминание этого народа, восходят, прямо или косвенно, к Геродоту (4.23; 123). О возможной иранской этимологии этнонима см.: [Cornillot 1981: 7–52]. Ф. Корнийо объясняет этноним как «*tirž-akq-t(a)», по аналогии с «*akq-tirž-» («державший колчан стрел»), что является корнем имени агафирсов — племени, обитавшего на территории Скифии.

⁴² Помпоний Мела (1.116) и Плиний Старший (6.19) исказили этот этноним, превратив его в *Turcae* и *Turcae*. О его родстве с современным гидронимом Угра (приток Оки, которая в свою очередь впадает в Волгу) см.: [Погребова, Раевский 1989: 40–65]. О том, что иирки могли относиться к археологической культуре Дьяков (ср. так называемый Дьяков лоб между Волгой и Окой), см.: [Смирнов 1987: 40–43].

до Геродота, то необходимо помнить о возможных, свойственных устной традиции неточностях, которые допускаются в момент передачи сведений анонимными посредниками, а также о характерной для самого Геродота адаптации полученной информации к собственному видению мира и истории⁴³.

Так, аргиппеи/аргимпеи или скорее «оргимпеи» (то есть скорее «те, кто размещает вокруг» алтарного огня ворох сухих растений, а не «люди с пылающими волосами», как недавно предложили толковать этот оним Жорж-Жан Пино и Вероника Шильц [Pinault 2008: 121–123; Schiltz 2016: 28]) вряд ли есть проекция какого-то конкретного народа. Они скорее являются идеализированной группой, историческим предшественником (аватаром) мифических гипербореев (4.32–36). В таком случае бессмысленно пытаться соотносить аргиппеев с какой-либо определенной археологической культурой [Пьянков 1998; Corcella 2005]. Мы полагаем, что устная традиция, источники, которыми пользовался Геродот, а возможно, и сам историк могли объединить в одном образе более или менее реальные характеристики разных этнических и социальных групп, разбросанных по территориям за пределами Кавказа и даже Урала, за пределами тех мест, где обитали народы, которых ни один путник никогда еще не видел. Их черты лица и бритые головы напоминают скорее монголов и, соответственно, народы Алтая, чем финно-угорские народы Урала⁴⁴. Также и описание палаток, которые устанавливаются вокруг древесных стволов, напоминает юрты или чумы — возможно, своим растительным покры-

⁴³ О возможной идентификации народов, кочевавших между Уралом и Алтаем, описанных Геродотом, см.: [David 1977: 115–196; Bendezu-Sarmiento 2004]. Среди исследований, продолживших и развивавших новаторские идеи С. Кассона [Casson 1918–1919: 175–193], см.: [Рыбаков 1979: 192; Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 144–148; Нейхардт 1982: 136–137]. Таким образом, вопрос об идентификации алтайских и сибирских народов с теми скифо-сарматскими популяциями, что описал Геродот, остается открытым, несмотря на имеющееся между ними неоспоримое сходство [Руденко 1960; Parzinger 2004; Die frühen Völker Eurasiens 2006].

⁴⁴ См. недавнюю работу, приводящую лингвистические аргументы в пользу теории сходства описанной Геродотом народности с монголами [Ünal 2017: 19–50].

тием, а возможно, еще и потому, что шаманские ритуалы также включали в себя использование деревьев [Phillips 1960: 124–128; Членова 1960; Andrews 1997; Oktiabrskaiia, Lacaze, Stépanoff 2013: 87–90]. К тому же сакральный характер описываемого Геродотом народа, если только он не является калькой мифического статуса гипербореев, соответствует скорее клану (шаманов?), чем отдельной этнической группе.

В любом случае это таинственное понтийское дерево действительно было деревом жизни, поскольку служило не только укрытием, но и давало пропитание людям, которым нужно было так немного для счастливой жизни. С ботанической точки зрения наиболее притягательной гипотезой становится та, что была сформулирована уже в XIX в., будучи построенной на отождествлении этого дерева с вишней или черемухой (*prunus padus*). Название растения вполне могло быть греческой фонетической калькой иранского слова «*panthika*», что означает «дерево путешественника, кочевника» («того, кто проводит жизнь в дороге»/«*uiialis*»). Напротив, название плода («*aschy*»), в неизменной форме используемое также и в «*Histoires*», могло быть производным от слова тюрко-алтайского происхождения, означающего «пища»⁴⁵. Вероника Шильц опубликовала недавно результаты своего полевого исследования, подтвердившего употребление фруктов и красных ягод в виде сока или порошка, перемешанного с сухим сыром из кобыльего молока (*hippakè*) на территории современных Алтая и Тувы [Schiltz 2017].

Если эти ономастические истории правдивы, то они доказывают, что от Сибири до Черного моря степь, простирающаяся севернее Азовского моря от Кавказа и Каспийского моря,

⁴⁵ Вспомним, что речь идет о корне уйгурской и чагатайской лексемы «aš», который встречается в разных словах, обозначающих пищевые продукты в целом, а также злаки и мясо. См.: [Räsänen 1969: 29–30; Tomaschek 1895: 719–721; Доватур, Калистов, Шишова 1982: 250–251; Mühlenstein 1986: 561–564]. Существует и другая гипотеза о возможной близости данного слова обозначению кофейного дерева [Ctésias 688 F 45], что позволяет — и это нам кажется совсем неправдоподобным — выводить его происхождение от названия известной египтянам африканской страны Пунт, равно как и усматривать иранское происхождение названия плода. См.: [Herzfeld 1947: 554–557].

образовывала естественный «коридор», по которому циркулировали народы и знания. Однако трансляция этих знаний никогда не была прямой, она сопровождалась множеством трансформаций и реинтерпретаций. Знания адаптировались к уже имеющемуся горизонту ожидания культурных посредников и их собственных познаний, определяемых политикой, экономикой, экологией. Как это всегда происходит в истории трансфера, конфликты вовсе не означают отсутствие взаимодействия: напротив, именно в период греко-персидских войн, а также войн римлян с парфянами человечество получает наиболее достоверные сведения о крайнем Северо-Востоке. И напротив, максимально казалось бы содействующее культурному обмену расширение империй (Александра Великого, Римской империи, а также империи Степных варваров) вовсе не гарантирует достоверности получаемых сведений об ойкумене. Это происходит потому, что в досовременных обществах отношение к знаниям не было «научным», основанным на максимально полном и последовательном сборе достоверных данных: здравый смысл и собственная субъективность определяли то, что заслуживало запоминания, последующей интерпретации, но вместе с тем и то, что должно было быть предано забвению. Иными словами, образ «чужого» и его недостижимой страны говорит не менее о том, кто этот образ создает, чем о том, кто в нем отражается.

Формирование западных утопических и дистопических мифов о Сибири лишь подтверждает данную парадигму трансфера знаний. В архаической и классической Греции кое-что знали о варварах и необычайных богатствах Леванта. Александр Великий знаменует в этом смысле момент разрыва, насколько он был возможен в классической традиции: непокоренный крайний Северо-Восток оказывается сначала интегрированным в уже известный, познанный мир (именно в это время на карте мира появляются абии и Александровы алтари), а затем словно отбрасывается на территорию *вне пространства и времени*. Он превращается в хранилище страхов, испытываемых перед варварами, навсегда запертыми на границе *orbis terrarum* — мира, где властвуют римляне. Христианство превращает историческую опасность в эсхатологическую угрозу. Удивительно, как

наиболее просвещенные умы Запада на протяжении тысячелетий могли верить в существование стольких чудовищ. Даже в нынешние времена, когда благодаря спутникам оказалось возможным нанести на карту каждый сантиметр Земли и эта карта стала доступна каждому, у кого есть подключение к Интернету, Сибирь по-прежнему видится фантастической землей, одновременно ледяной и охваченной пламенем, страной народов и богатств, не имеющих себе равных. Мы по-прежнему идеализируем ее богатства и пейзажи и продолжаем с ужасом вспоминать о временах сибирских ссылок. Мы отдаем должное силе знаний. И все же не стоит даже и сегодня забывать о могущественной силе мифов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. Москва, 1982.
- Запороженко А.В., Черемисин Д.В.* Аримаспы и грифы : изобразительная традиция и индоевропейские параллели // VDI. 1997. N 1. С. 83–90.
- Иероним Стридонский.* Еврейские вопросы на Книгу Бытия. / Пер. С. Жукова. М.: Отчий Дом, 2009. 272 с.
- Кузнецов В.Д., Никитин А.Б.* Древнеперсидская надпись из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., 2017. № 6. С. 154–159.
- Куклина И. В.* Άβιοι в античной литературной традиции // VDI. 1969. N 3 P. 120–130.
- Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. 208 с.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе: В 3 т. СПб, 1890–1906.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Ленинград, 1982.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* К вопросу об ‘отложившихся скифах’ (Herod., IV, 22) // VDI. 1989. N 1/188. С. 40–65.
- Подосинов А.В.* Куда плывал Одиссей? О географических представлениях архаической эпохи. Языки славянских культур. М., 2015. 200 с.
- Пьянков И.В.* Путь к аргиппеям. (Древние пути на Урал) // Вестник новгородского государственного университета. 1998. № 9. URL: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/69E4ED3F11F96655C3256727002E7B9B>
- Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М.: «Восточная литература» РАН, 1997. 344 с.
- Руденко С.И.* Культура населения центрального Алтая в скифское время. М., 1960.

- Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.
- Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. 200 с.
- Смирнов К.А. Геродот о населении волго-окского междуречья // SA. 1987. N 4. С. 40–43.
- Страбон. География / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского, под ред. О.О. Крюгера, общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994.
- Членова Н.Л. Предыстория 'торгового пути Геродота' (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // SA. 1983. N 1. С. 47–66.
- Aalto P. Pekkanen T. Latin Sources on North-Eastern Eurasia. 2 vols. Wiesbaden, 1975–1980. 2 vols.
- Aerts W.J., Kortekaas G.A.A. Die Apokalypse des Pseudo-Methodius. Die ältesten Griechischen und lateinischen Übersetzungen. Lovanii, 1998. P. 117–118.
- Aleman y Vilamajó A. Els 'Cants arimaspeus' d'Aristeas de Proconnès i la caiguda dels Zhou occidentals // Faventia. 1999. N 21.2. P. 45–55.
- Alexander P.J. The Byzantine Apocalyptic Tradition. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
- Anderson A.R. Alexander at the Caspian Gates // TAPhA. 1928. N 59. P. 130–163.
- Andrews A. Nomad Tent Types in the Middle East 1–2. Wiesbaden, 1997. (Beihefte zum Tübinger Atlas des vorderen Orients B 74/1/1).
- Auberger J. Du Prince au berger, tout homme a son content de fromage // Revue des études grecques. 113.1. 2000. P. 1–41.
- Auberger J. Le Lait des Grecs : boisson divine ou barbare? // Dialogues d'histoire ancienne. 2001. N 27.1. P. 131–157.
- Beckers W.J., Das rätselhafte Hochgebirge des Altertums, die sogenannte Rhipäen // *Geographische Zeitschrift*. 1914. N 20.9/10. P. 534–557 (P. 537–538).
- Bendezu-Sarmiento J., Archéologie de la mort, nécropoles, gestes funéraires et anthropologie biologique des populations Andronovo et Saka de l'âge du bronze à l'âge du fer au Kazakhstan : IIe et Ier millénaire av. J.-C. / Thèse. Université de Paris I, 2004.
- Bendezu-Sarmiento J., Francfort H.-P., Ismagulova A., Samashev Z. Post-mortem Mutilations of Human Bodies in Early Iron Age Kazakhstan and Their Possible Meaning for Rites of Burial // *Antiquity*. 2008. N 82. P. 73–86.
- Bisi A.M. Il Grifone. Storia di un motivo iconografico nell'antico Oriente mediterraneo. Roma, 1965.
- Bøe S. Gog and Magog: Ezekiel 38–39 as Pre-text for Revelation 19,17–21 and 20,7–10. Tübingen, 2001. P. 208–210.
- Bolton J.D.P., Aristeas of Proconnesus. Oxford, 1962.
- Bortolani L.M. Magical Hymns from Roman Egypt. A Study of Greek and Egyptian Traditions of Divinity. Cambridge, 2016. P. 243–279.
- Bosworth A.B. Arrian at the Caspian Gates : a study in methodology // CQ. 1983. N 33.1. P. 265–276.
- Bourgeois I. et alii. Ancient Nomads of the Altai Mountains: Belgian-Russian multidisciplinary archeological research on the Scytho-Siberian culture. Brussels, 2000.

- Bowra C.M.* A Fragment of the Arimaspea // CQ NS. 1956. N 6.1/2. P. 1–10.
- Braund D.* Greeks, Scythians and *Hippake*, or “Reading Mare’s-Cheese” // Ancient Greeks West & East / Tsetskhladze G.R. (éd.). Leiden, 1999. P. 521–530.
- Brewer K.* Prester John: the legend and its sources. Surrey UK, 2015.
- Bridgman T.P.* Hyperboreans. Myth and history in Celtic Hellenic contacts. New York, London, 2005.
- Brown J.P.* The Mediterranean Seer and Shamanism // Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1981. № 93.3. P. 374–400.
- Brunet G.* La légende du Prêtre Jean. Bordeaux, 1877.
- Brust M.* Die indischen und iranischen Lehnwörter im Griechischen. Innsbruck, 2005.
- Burkert W.* Γῶης. Zum griechischen Schamanismus // RhM. 1962. № 105. P. 36–55.
- Casson S.* Herodotus and the Caspian // BSA. 1918–1919. N 23. P. 175–193.
- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1999.
- Chekin L. S.* Northern Eurasia in Medieval Cartography. Inventory, text, translation and commentary. Turnhout: Brepols, 2006. 498 p.
- Chernykh E.N.* Formation of the Eurasian “Steppe Belt” of Stockbreeding Cultures: viewed through the prism of archaeometallurgy and radiocarbon dating // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2008. N 35/3. P. 36–53.
- Coedès G.* Textes d’auteurs grecs et latins relatifs à l’Extrême Orient. Hildesheim; New York, 1977.
- Corcella A.* Erodoto. Le storie IV. La Scizia e la Libia. Roma, 2001.
- Cornillot F.* De Skythès à Kolaxaïs // Stfr. 1981. N 10. P. 7–52.
- Daebritz H.* Hyperboreer // RE. 1914. №16. Col. 258–274.
- Dan A.* « La plus merveilleuse des mers »: recherches sur la représentation de la Mer Noire et de ses peuples dans les sources antiques d’Homère à Ératosthène / thèse. Université de Reims, 2009.
- Dan A.* Quand Apollon portait en vol au-delà des Scythes // Aristej. 2012. N 6. P. 68–90.
- Dan A.* The First of the *Bêta*: Notes on Eratosthenes’ Invention of Geography // The Library of Alexandria. A cultural crossroads of the Ancient world. Proceedings of the Second Polis Institute Interdisciplinary Conference / Ch. Rico, A. Dan (éd.). Jerusalem, 2017. P. 165–222.
- David Th.* La Transition de l’Âge du bronze à l’Âge du fer au Kazaxstan central // DHA. 1977. N 3. P. 115–196.
- Delplace Ch.* Le griffon créto-mycénien // AC. 1967. N 36.1. P. 49–86.
- Deplace C.* Le Griffon. De l’archaïsme à l’époque impériale. Étude iconographique et essai d’interprétation symbolique. Bruxelles; Rome, 1980.
- Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.
- Dodds E.R.*, The Greeks and the Irrational. Los Angeles: Berkeley. 1951.
- Donat M.* Skythische Schamanen? Die Nachrichten über Enarees-Anarieis bei Herodot und Hippokrates, Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philologisch-Fakultät I der Universität. Zürich, 1993.

- Donzel E. van, Schmidt A.* Gog and Magog in Early Syriac and Islamic Sources. Sallam's Quest for Alexander's Wall. Leiden; Boston, 2009.
- Erbse H.* Scholia Graeca in Homeri Iliadem (scholia uetera). Vol. III. Berolini, 1974.
- Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 2001.
- Forsyth J.* A History of the Peoples of Siberia. Russias' North Asia Colony 1581–1990. Cambridge, 1992.
- Francfort H.-P.* Ancient Altai Culture and Its Relationship to Historical Asian Civilizations // Preservation of the Frozen Tombs of the Altai Mountais. Paris: Unesco, 2008.
- Francfort H.-P.* The Archaeology of Protohistoric Central Asia and the Problems of Identifying Indo-European and Uralic-Speaking Populations // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8–10 January 1999 / Ch. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (éd.). Helsinki, 2001. P. 151–168.
- Francfort H.-P.* L'aigle qui marche et le cerf qui vole: images d'hybrides ornithologiques en Asie centrale ancienne // L'homme-animal dans les arts visuels. Image et créatures hybrides dans le temps et dans l'espace / P. Linart de Bellefonds, A. Rouveret (dir.). Paris, 2017. P. 222–237.
- Gautier Dalché P.* (éd.) Décrire le monde et situer les lieux au XIIe siècle : l'*Expositio mappe mundi* et la généalogie de la mappemonde de Hereford // MEFRM. 2001. N 113.1. P. 343–409.
- Gautier Dalché P.* Euchel de Lyon, Iona, Bobbio: le destin d'une *mappa mundi* de l'antiquité tardive // Viator. №41. 2010. P. 1–22.
- Goldenberg L.A.* Russian Cartography to ca. 1700 // History of Cartography III.2. Cartography in the European Renaissance / D. Woodward (éd.). Chicago, 2007. P. 1852–1903.
- Haak W. et al.* Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. N 522. P. 207–211. URL: DOI 10.1038/nature14317
- Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. Paris, 1980.
- Hartog F.* Mémoire d'Ulysse. Récits sur la frontière en Grèce ancienne. Paris, 1996.
- Hayashi T.* Griffin Motif: from the west to east Asia via the Altai // Parthica. 2012. N 14. P. 49–64.
- Hennig R.* Terrae incognitae : eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. Leiden, 1944–1956.
- Herren M. W.* The Cosmography of Aethicus Ister. Turnhout, 2011. P. xxxiii–lxxiii
- Herzfeld E.* Zoroaster and His World II. Princeton, 1947. P. 554–557.
- Hinge G.* Herodot zur skythischen Sprache: Arimaspen, Amazonen und die Entdeckung des Schwarzen Meeres // Glotta. 2005. №81. P. 86–115.

- Humbach H., Ziegler S.* Ptolemy, Geography, Book 6. Middle East, Central and North Asia, China I / Text and English/German translations by S. Ziegler. Wiesbaden, 1998. 260 p.
- Ivantchik A.* Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8. 7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition : Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte. Berlin–Moskau, 2005.
- Ivantchik A.* Die hellenistischen Kommentare zu Homer *Il.* 13. 13–6. Zur Idealisierung des Barbarenbildes. Ephoros und die Philologen der alexandrinischen Schule // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters: Akten des internationalen Hellenismus-kolloquiums 9.–14. März 1994 in Berlin / B. Funck (éd.). Tübingen, 1996. S. 671–692.
- Ivantchik A.* La Datation du poème *l'Arimasée d'Aristéas de Proconnèse* // AC. № 62. 1993. P. 35–67.
- Ivantchik A.* Un fragment de l'épopée scythe: 'le cheval de Colaxais' dans un partheneion d'Alcman // Mélanges en l'honneur d'Edmond Lévy, Ktëma. № 27. 2000–2002. P. 257–264.
- Ivantchik A.I.* Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg; Göttingen, 1993. P. 130–131.
- Jiroušková L.* Die Visio Pauli : Wege und Wandlungen einer orientalischen Apokryphe im lateinischen Mittelalter unter Einschluß der altschechischen und deutschsprachigen Textzeugen. Leiden, Brill, 2006; The Visio Pauli and the Gnostic Apocalypse of Paul / Bremmer J.N., Czachesz I. (éd.). Leuven, 2007.
- Kappler C.-C., Kappler R.* Apocalypse de Paul // Écrits apocryphes chrétiens I / F. Bovon, P. Geoltrain (dir. . Paris, 1997. P. 775–826.
- Keyser Ch. et al.* Ancient DNA Provides New Insights into the History of South Siberian Kurgan People // Hum Genet. 2009. N 126. P. 395–441.
- Kiessling M.* « Emodon » // RE. 1905, N 5. Col. 2502–2504.
- Kindstrand J.F.* Anacharsis. The Legend and the Apophtegmata. Uppsala; Stockholm, 1981.
- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom, The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca–London, 2006.
- Kochanek P.* Die Vorstellung vom Norden und der Eurozentrismus. Eine Auswertung der patristischen und mittelalterlichen Literatur. Mainz, 2004.
- Koryakova L., Epimakhov A.V.,* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2007.
- Lazova Ts.* The Hyperboreans. A study in the Paleo-Balkan tradition. Sofia, 1996.
- Le Goff J.* La naissance du purgatoire. Paris, 1981.
- Leventopoulou M.* Gryps // LIMC. Suppl. 1997. P. 609–611.
- Levi M.A.* I Nomadi alla frontiera: i popoli delle steppe e l'antico mondo greco-romano. Roma, 1989.
- Lévy E.* Les Origines du mirage scythe // Ktëma. 1981. Vol. 6. P. 57–68.

- Leypunsakay N.A.* Olbian-Scythian Trade: Exchange Issues in the Sixth to Fourth Centuries BC // Classical Olbia and the Scythian World / D. Braund, S.D. Kryzhitskiy (éd.). Oxford, 2007. P. 121–133.
- Lindegger W.P.* Griechische und Römische Quellen zum peripheren Tibet I. Zürich, 1979.
- Lovejoy A.O., Boas G.* A Documentary History of Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Baltimore, 1935.
- Marchenko Z.V.*, Radiocarbon Chronology of Complexes With Seima-Turbino Type Objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia // Radiocarbon. 2017. N 59.5. P. 1381–1397.
- Mauduit C.* La Sauvagerie dans la poésie grecque d'Homère à Eschyle. Paris, 2006.
- Mayor A.* The First Fossil Hungers. Paleontology in Greek and Roman Times. Princeton-Oxford, 2001.
- Mayor A., Heaney M.* Griffins and Arimaspeans // Folklore. 1993. 104.1/2. P. 40–66
- Meicun L., Liu X.* The Origins of Metallurgy in China // Antiquity. 2017. N 91/359. P. 1–6. URL : <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.177>
- Meuli K.* Scythica // Hermes. 1935. № 70. P. 121–176.
- Meyer C.* Greco-Scythian Art and the Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity. Oxford, 2013.
- Montiglio S.* Wandering Philosophers in Classical Greece // JHS. 2000. V. 120. P. 86–105
- Mühlenstein H.* Kirschmus und Kahlköpfe // O-o-pe-ro-si. Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag / A. Etter (éd.). Berlin; New York, 1986. P. 561–564.
- Müller K.E.* Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Bd. I–II. Wiesbaden, 1972–1980.
- Murphy E.M., Mallory J.P.* Herodotus and the *Cannibals* // Antiquity. 2000. N 74. P. 388–394.
- Naumov I. V.* The History of Siberia. London; New York, 2006.
- Nawotka K.* The Alexander Romance by Ps.-Callisthenes. A historical commentary. Leiden; Boston, 2017.
- Ogden D.* Magic, Witchcraft, and Ghosts in the Greek and Roman Worlds: A sourcebook. Oxford, 2002.
- Oktiabrskaja I., Lacaze G., Stépanoff Ch.* La yourte turco-mongole // Nomadismes d'Asie centrale et septentrionale / Ch. Stépanoff, C. Ferret, G. Lacaze, J. Thorez (dir.). Paris, 2013. P. 87–90.
- Parzinger H.* Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München, 2006.
- Parzinger H.* Die Skythen. München, 2004.
- Parzinger H.* The “Silk Roads” Concept Reconsidered: about transfers, transportation and transcontinental interactions in Prehistory // The Silk Road. 2008. N 5.2. P. 7–15.
- Pasquier A.* Le Griffon dans l'orfèvrerie gréco scythe // CRAI. 1975. N 119. P. 454–467.
- Pfister F.* Studien zur Sagengeographie // Symbolae Osloenses. 1959. N 35. P. 5–39.

- Pfister F.* Studien zur Sagengeographie // *Symbolae Osloenses*. 1959. N 35. S. 5–39.
- Pfister F.* Studien zum Alexanderroman // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. 1946. N 1. S. 29–66. (=Kleine Schriften zum Alexanderroman. Meisenheim am Glan, 1976).
- Phillips E.D.* A Further Note on Aristeas // *Artibus Asiae*. 1957. 20.2/3. P. 159–162.
- Phillips E.D.* The Argippaei of Herodotus // *Artibus Asiae*. 1960. N 23.2. P. 124–128.
- Phillips E.D.* The Legend of Aristeas: Fact and fancy in Early Greek notions of East Russia, Siberia, and Inner Asia // *Artibus Asiae*. 1955. N 18.2. P. 161–177.
- Pinault G.-J.* La langue des Scythes et le nom des Arimaspes // *CRAI*. 2008. N 152. P. 105–138.
- Pirart É.* Le nom des Arimaspes // *Boletín de la Asociación Española de Orientalistas*. 34. 1998. P. 239–260.
- Rapin C.* Alexandre le Grand en Asie Centrale. Géographie et stratégie de la conquête des Portes Caspiennes à l'Inde // *Moving East and Back to West: With Alexander in India and Central Asia* / C. Antonetti, P. Biagi (éd.). Oxford, 2017. P. 37–121.
- Rapin C.* Du Caucase au Tanaïs : les sources de Quinte-Curce à propos de la route d'Alexandre le Grand en 330–329 av. J.-C. // *Les Historiae Alexandri Magni de Quinte-Curce* / M. Mahé, J. Trinquier (éd.). Paris, 2014. P. 141–186.
- Rapin C.* On the Way to Roxane: the Route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328–327 BC) // *Zwischen Ost und West — Neue Forschungen zum antiken Zentralasien* / G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (éd.). Darmstadt, 2013. S. 43–82.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969.
- Ratcliffe J.* Arimaspians and Cyclopes: The mythos of the One-Eyed Man in Greek and inner Asian thought // *Sino-Platonic Papers*. 2014. N 249.
- Rausch S.* Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Berlin : Philipp von Zabern GMBH, 2013. 444 p.
- Reece S.* The Ἄβιοι and the Γᾶβιοι. An Aeschylean Solution to a Homeric Problem // *AJPh*. 2001. 122.4. P. 465–470.
- Reinink G.J.* Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius. Lovanii, 1993.
- Romm J.* Herodotus and Mythic Geography: The case of the Hyperboreans // *TAPhA*. 1989. №119. P. 97–113.
- Romm J. S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought. Geography, Exploration, and Fiction. Princeton, 1992.
- Rostovcev M.I.* Skythien und der Bosphorus. 1. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen. Berlin: Schoetz, 1931.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. 260 p.
- Rudenko S.I.* Frozen Tombs of Siberia. The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen. Berkeley; Los Angeles, 1970.
- Sambin Ch.* Génie minoen et génie égyptien, un emprunt raisonné // *BCH*. 1989. N 113.1. P. 77–96.

- Schiltz V. L'Asie profonde d'Hérodote. Scythes, Issédons, Iyrques, Argippéens // La Grèce dans les profondeurs de l'Asie. Cahiers de la Villa « Kérylos » 27. Actes du XXVIe colloque de la Villa Kérylos, 9 et 10 octobre 2015 / J. Jouanna, V. Schiltz, M. Zink (éd.). Paris, 2016. P. 1–46.
- Schmidt M.G. Die Nebenüberlieferung des 6 Buchs der Geographie des Ptolemaios. Griechische, lateinische, syrische, armenische und arabische Texte. Wiesbaden, 1999.
- Shaw B.D. Eaters of Flesh, Drinkers of Milk // AS. 1982–1983. № 13–14. P. 5–31.
- Silberman A. À propos des Issédons: Hérodote (4.21–27) et les témoignages latins correspondants // RPh. 1990. N 116/64.1–2. P. 99–110.
- Silverstein Th. Visio Sancti Pauli. The History of the Apocalypse in Latin together with Nine Texts. Londres, 1935.
- Sinor D. (ed.). The Cambridge History of Early Inner Asia 1. Cambridge, 1990.
- Skinner J. The Invention of Greek Ethnography: from Homer to Herodotus. Oxford, 2012.
- Snell B., Erbse H. Lexikon des frühgriechischen Epos I. Göttingen, 1979.
- Standish W.F. The Caspian Gates // G&R. 1970. N 17. P. 12–24.
- Tomaschek W. Anniboi // RE. 1894. N 1. Col. 2258–2259.
- Tomaschek W. Auzakia // RE. 1896. N 2. Col. 2623.
- Tomaschek W., Argippaioi // RE. 1895. N 3. Col. 719–721.
- Tooman W. A. Gog of Magog. Reuse of Scripture and compositional technique in Ezekiel 38–39. Tübingen, 2011.
- Treidler H. Pterophoros // RE. 1959. N 46. Col. 1499–1501.
- Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Bale, 1918.
- Tupikova I. Schemmel M., Geus K. Travelling along the Silk Road: A new interpretation of Ptolemy's coordinates. Berlin, 2014.
- Ünal O. On the Language of the Argippaei: an ancient predecessor of Mongolic // Central Asiatic Journal. 2017. N 60.1/2. P. 19–50.
- Vian F. Les Argonautiques orphiques. Paris: Les Belles Lettres, 1987.
- Wagner B. Die 'Epistola presbyteri Johannis' lateinisch und deutsch: Überlieferung, Textgeschichte, Rezeption und Übertragungen im Mittelalter. Tübingen, 2000.
- West S. Introducing the Scythians: Herodotus on Koumiss (4.2) // Museum Helveticum. 1999. № 56. P. 76–86.
- Witzenrath Ch. Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725. Manipulation, rebellion and expansion into Siberia. London; New York, 2007.
- Wood A. Russia's Frozen Frontier. A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London; New York, 2011.
- Zaikov A. V. Alcman and the Image of Scythian Steed // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology / C.J. Tuplin (éd.). Leiden, 2004. P. 69–84.
- Zaphiropoulou Ph. Hyperboreoi // Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Suppl. 1997. P. 641–643.

Перевод с франц. В. Копытиной
при участии Е. Дмитриевой и Н. Пеговой